

Узакный детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Сабина на французской диете

Ваш личный детектив

Галина Куликова

Сабина на французской диете

«ЭКСМО»

Куликова Г. М.

Сабина на французской диете / Г. М. Куликова — «Эксмо»,
— (Ваш личный детектив)

ISBN 5-699-17337-4

Вы твердо решили сбросить вес, с понедельника отказались от булочек, а потом сорвались? Ничего страшного, можно начать все сначала! Но что, если объем талии и бедер вписан в ваш трудовой контракт? Устроившись в фирму «Бумажная птица», Сабина Брусницына должна за две недели похудеть до сорок четвертого размера. Если у нее ничего не получится, она будет уволена. Итак, в первый же рабочий день Сабина садится на французскую диету и... находит в тайнике дневник своей предшественницы Ани Варламовой. Прочитав его, Сабина понимает, что на фирме, в подвале, где вручную изготавливают особые сорта бумаги, творятся очень странные и опасные вещи. А сама Аня вовсе не уволилась, а бесследно исчезла... Сабина начинает собственное расследование. И пусть у нее нет навыков детектива, зато поймать преступника ей поможет обострившаяся на диете любовь к сырокопченой колбасе!

ISBN 5-699-17337-4

© Куликова Г. М.

© Эксмо

Содержание

Первый день	21
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Куликова

Сабина на французской диете

Сабина твердо решила не ходить на свадьбу двоюродной племянницы, а просто передать подарок и цветы. Тащиться за город по такой слякоти жуть как не хотелось. За праздничным столом наверняка заставят выпить, хотя бы шампанского, и всю обратную дорогу она будет панически бояться гаишников.

Да еще родственники на банкете начнут приставать с вопросами: «Ну, а когда ты устроишь свою жизнь?» Как будто Сабина ее уже не устроила – так, как ей хочется. Возможно ли вообще объяснить куче сентиментальных тетушек и дядюшек, – особенно на свадьбе! – что муж не обязательно входит в набор «предметов первой необходимости»?

Сабина придумала достойный предлог для того, чтобы никуда не ехать, и, не откладывая, позвонила маме. И та буквально сразила ее, сообщив:

– Ты в курсе, что на празднике будет Наташа Буриманова? – Помолчала и коварно добавила: – С мужем, разумеется.

Заготовленная отговорка мгновенно застряла у Сабины в горле. Дима Буриманов был ее первой большой любовью, и она не видела его много лет. Они подружились еще в школе, потом у них был долгий роман, красивый и бурный. Но как-то раз одна их маленькая рядовая ссора переросла в затяжную размолвку. Никто не хотел мириться первым. Сабина была убеждена, что рано или поздно Дима придет с повинной. Ждала месяц, два, три... И вдруг узнала, что он женился на ее собственной двоюродной сестре. С которой она же их и познакомила! Удар был настолько силен, что при воспоминании о нем у Сабины до сих пор звенело в голове.

За прошедшие годы им ни разу не довелось встретиться. В конце концов она сообразила, что Дима просто избегает семейных сборищ, на которых можно столкнуться с бывшей девушкой. Или его не пускает на эти сборища ревнивая супруга.

Интересно, как он сейчас выглядит? Племянницы болтали, будто он начал лысеть, а Наташка превратилась в настоящую квочку. У них двое детей и все та же крохотная квартирка в Медведкове. Она не работает, а он занимает административную должность в московском филиале крупной западной компании.

Сабина поняла, что не сможет удержаться и отправится на эту свадьбу – только для того, чтобы посмотреть на чету Буримановых. Сказать по правде, ей уже давно и страстно хотелось обсудить с Димой их прошлые отношения. Почему он ее так бесцеремонно бросил? Наташка банально окрутила его, воспользовавшись моментом? Или дело в чем-то другом? Сабина желала выяснить все.

Со дня Диминой свадьбы у нее в желудке жила холодная осклизлая жаба. И как только намечались серьезные отношения с каким-нибудь достойным человеком, жаба напоминала о себе. От нее следовало избавиться во что бы то ни стало.

Из офиса Сабина уходила, как всегда, одной из последних. Заперла на ключ кабинет и быстро двинулась по коридору, в конце которого неожиданно столкнулась с главным боссом Кологривовым. Он выскочил из-за угла, едва не сбив ее с ног. Кологривов не любил терять времени даром и носился по зданию ураганом, сея смуту и творя разрушения. Он установил в своей вотчине драконовские порядки, и Сабине нередко казалось, что сотрудники «Альфы и омеги» вот-вот перейдут на военное положение.

Кологривов разместил свою консалтинговую фирму в самом центре Москвы, арендовав четыре этажа в одном из тех современных зданий, которые так портят облик родного города. Среди старинных особняков здание выглядело нелепо и наводило на мысль о том, что архитектор получил свой диплом за бабки, а застройщик подряд на строительство – по блату. Однако

Кологривову все эти тонны стекла и металла дико нравились. Неудивительно, что он носил безвкусовые галстуки и был женат на женщине с тонкими губами.

– А, Брусницына! – бросил он, окинув ее невнимательным взглядом. – Рад с вами встретиться. Вы наш лучший проектный менеджер. И мы уже рассматриваем вопрос о повышении вам заработной платы. – Он взял ее за локоть холодными начальственными пальцами и подтолкнул к лифту.

Это был мужчина среднего роста и ничем не примечательной внешности. Вероятно, для того чтобы добавить себе солидности, он отрастил довольно внушительные усы. Другие атрибуты его величия – часы, ботинки и костюм – были куплены в магазинах, которые обычным людям знакомы только по вывескам.

– Мы очень ценим вашу четкость и ответственность, – добавил он.

Щеки Сабина окрасились ярким румянцем – от удовольствия. Каждый день по дороге на службу она шла пешком через Триумфальную площадь мимо громадного каменного Маяковского, который смотрел на нее сверху с величественной усмешкой. Что, мол, ты там копишься внизу? К чему стремишься? Чего достигла?

Она уже о-го-го чего достигла! Если еще и зарплату прибавят...

– Завтра ожидается важный клиент, – значительным тоном сообщил Кологривов, вызвав лифт. – Вернее, потенциальный клиент. Он пока выбирает между нами и нашими конкурентами. Постарайтесь, чтобы о других консультантах после разговора с вами он и не помышлял. Я на вас рассчитываю.

– Разумеется, Валерий Федорович! – воскликнула Сабина. – Я сделаю все, что смогу.

Она пропустила босса вперед, а сама задержалась на крыльце, застегивая плащ под самое горло: по улице гулял коварный весенний ветер, обожавший застуживать легкомысленных модниц. В старом переулке было тесно от кое-как припаркованных автомобилей. Они наполовину занимали тротуары и мешали пешеходам, им приходилось жаться к стенам домов, вдоль которых тянулись провисшие бело-красные ленты, призывавшие остерегаться сосулек. С крыш звонко капало, но никто не радовался этой капели, потому что тротуары не чистили, и люди скакали по ледяным буграм, шипя и чертыхаясь.

Свою машину Сабина оставила в Оружейном переулке и теперь с тревогой искала глазами: вдруг ее забрал эвакуатор? Вместе с подарком и цветами. К счастью, «старушка» оказалась на месте, и Сабина двинулась к ней быстрым шагом. Едва она села за руль, как зазвонил мобильный телефон. На экранчике высветилось: «Петя Брусницын».

Тот, у кого есть младший брат, мгновенно поймет, почему Сабина насторожилась. Младшие братья, особенно если им стукнуло двадцать шесть, не звонят просто так, чтобы поинтересоваться вашим здоровьем или рассказать новый анекдот. Они появляются на горизонте только в одном случае: если им что-то нужно.

– Привет, – сказала она в трубку выжидательным тоном. – Как дела?

– Салют, Сабинка! – донесся до нее знакомый нахальный голос. – Надеюсь, ты будешь на свадьбе? Нам надо поговорить. Срочно, поняла? Мне требуется твоя помощь. Так ты будешь?

– Буду, буду.

– Приедет твой Буриманов! – сообщил брат с такой радостью, словно обещал ей подарок. – Ха-ха!

– Что тебя так веселит? – рассердилась Сабина.

– Прикольно посмотреть на мужика, за которым ты сейчас могла бы быть замужем.

– Петь, ты владелец фирмы, у тебя в штате двадцать пять человек. Ты не можешь говорить «прикольно».

– Зануда, – ответил тот и отключился.

Определенно, мать и две незамужние тетки избаловали его. Когда появился отчим, Петя уже бросился в гущу жизни: перегонял из Европы иномарки, строил дачи в Подмоскowie, осва-

ивал производство керамической плитки. И вот, наконец, открыл собственную фирму по подготовке и подбору секретарей и помощников, окрестив ее «Правая рука». Он гордился своим детищем до умоисступления, и, когда Сабина заметила, что это название наводит на мысль о протезной мастерской, Петя едва не набросился на нее с кулаками.

Всю дорогу Сабина размышляла, какое впечатление произведет на Буриманова. Предвасалась мечтам. Тряслась от волнения. Возле «Динамо» проехала на красный свет, а неподалеку от здания Гидропроекта чуть не врезалась в джип, который своей массивной задницей загораживал половину дороги. Очутившись за городом, она едва не пропустила нужный поворот и в который раз приказала себе не паниковать. Может быть, это вообще «утка» и никакого Димы на банкете не окажется.

Но он там оказался. Она приехала на место уже в сумерках и ввалилась в дом с огромным букетом и по колено в грязи. Дом гудел от голосов и сиял огнями. Выглядел он ярко, и разряженные гости как нельзя больше подходили к торжественной обстановке.

В холле ее встретили молодожены с сияющими лицами. Невеста была в белом брючном костюме и кокетливой круглой шапочке. Глаза у нее блестели, как у охотника на крокодилов, добывшего хорошую шкуру. Жених, одурманенный собственными бурными чувствами, стоял подле нее с глупым лицом. Сабина сказала все положенные слова и вручила подарок.

И тотчас увидела младшего братца в драных джинсах и широкой рубаше, в какой наверняка удобно косить сено. Он шел к ней откуда-то из глубины коридора, радостно улыбаясь. Мама считала, что сын одевается «бессмысленно», и постоянно покупала ему нормальные вещи, которые он засовывал в кладовку, не отрезая бирок. Впрочем, что бы он ни надевал, девицы сходили по нему с ума, потому что Петя был ласковым и наглым. И к тому же голубоглазым. Своим многочисленным подружкам он никогда не говорил о том, что занимается бизнесом, иначе они разорвали бы его на части.

– Буриманов здесь, – тоном заговорщика прошептал Петя, поцеловав сестру в щечку. – Нервничает. Ходит кругами по гостиной.

– Вероятно, он просто проголодался, – ответила Сабина. – Мы расстались семь лет назад, чего тут нервничать?

– Да у тебя самой нос побелел от волнения. Меня не проведешь! Я знаю тебя как облупленную.

Сабина не нашлась с ответом. К счастью, появилась мама и повела ее на второй этаж переодеваться. Мама была счастлива во втором браке и поэтому отлично выглядела. Ни грамма лишнего веса – обзавидуешься! Хотя Сабина тоже не считала себя толстой, поскольку застряла где-то между сорок восьмым и сорок шестым размером. У нее была хорошая осанка, красивые ноги и мягкие русые волосы.

Мама завела дочь в небольшую комнатку, сказала, что вернется чуть позже, и оставила ее наедине с сумкой и большим зеркалом. Сабина приняла душ, переоделась в праздничный наряд, поправила прическу и попыталась посмотреть на себя как бы со стороны, чужими глазами. Что ж, у нее есть свои достоинства. Лицо миловидное, правда, не более того. Зато плечи красивые и довольно тонкая талия. Еще у нее хорошая кожа и нет морщинок под глазами. Для тридцатилетней женщины это важно. Да, ей за себя не стыдно. А если сюда прибавить еще и карьеру...

В этот момент в дверь постучали. Сабина распахнула ее и очутилась лицом к лицу с Буримановым. Это было так неожиданно, что она отпрыгнула назад, словно увидела на пороге привидение.

– Не верю своим глазам, – пробормотала она. – Это ты!

– Так точно, я, – сообщил Дима. Шагнул в комнату и закрыл за собой дверь.

Он совершенно не изменился. Разве что слегка заматерел. И никакой лысины у него не было. Все та же густая челка, черная с отливом. Все те же карие шальные глаза. Дима хмыкнул и широко улыбнулся.

– Шикарно выглядишь, – сказал он и покачал головой, как будто это было для него неожиданностью.

Сабина с трудом взяла себя в руки. Сердце все еще бухало у нее в голове и в горле, но она уже могла говорить нормальным голосом.

– Ты тоже неплохо сохранился.

– Давно не виделись. – Дима сунул руки в карманы брюк и прошелся по комнатке, не сводя с Сабины хищного взгляда. – Я услышал, что ты приехала, и сразу примчался.

Сабина несколько раз сглотнула, после чего задала умный вопрос:

– А где твоя жена?

– Оставил дома. Она неважно себя чувствует.

«Так, отлично, – подумала Сабина. – Что бы это значило? Может, он в дым разругался с Наташкой и в этом все дело? Он распетушился, вспомнил о своей первой любви и теперь пытается доказать сам себе, что еще о-го-го какой перец?» А вслух сказала:

– Понятно.

– А ты, говорят, все еще не замужем? – Дима присел на краешек кровати, покрытой пледом, и покачал ногой в лаковом ботинке. Глаз от ее лица он так и не отвел, и у Сабины от его взгляда по спине то и дело пробегали электрические волны.

– Выйти замуж – дело нехитрое. – Она отступила к окну и сложила руки на груди, защищаясь от его обаяния.

Он казался ей таким чудовищно родным и близким, что хотелось плакать. Сабина знала каждую его черточку, все веснушки и шероховатости на его щеках, все его улыбки и любимые словечки. Он был космонавтом, вернувшимся с Луны. Ей хотелось сильно-сильно его обнять. По выражению Диминого лица было непонятно, как он к этому отнесется, но она решила рискнуть. Подошла вплотную к кровати, на которой он сидел, – так, что ему пришлось поднять голову. Их коленки соприкоснулись через платье и тонкую шерсть брюк.

Дима встал. Они оказались очень близко друг от друга. От него пахло чем-то незнакомым, но даже это ее не охладило.

– Из-за чего мы поссорились? – шепотом спросила Сабина, глядя в узел его галстука и не зная, куда деть руки.

– Господи, ты такая... потрясающая! – тоже шепотом сказал Дима. – Такая сильная, уверенная в себе, эффектная... – Сабина таяла, как кусок мороженого в горячем детском рту. – Какое счастье, что я на тебе не женился!

Ее словно окатили холодной водой.

– Прости, что ты сказал? – пробормотала она, вскинув голову.

Дима взял ее за плечи и отодвинул от себя так, чтобы можно было нормально разговаривать.

– Я сказал – какое счастье, что я на тебе не женился. Нет-нет, не вырывайся, пожалуйста. Ты не понимаешь. Ты потрясающая. Ты самая привлекательная из всех знакомых мне женщин. – Сабина смотрела на него во все глаза. – Но все дело в том, что я не создан для такой жены! Конечно, я должен был объясниться еще тогда...

Дима отпустил Сабину и, взъерошив волосы, нервно прошелся взад и вперед по комнате.

– Но я струсил! – удивленно сообщил он. – Я давно собирался сказать тебе, что мы не подходим друг другу, и все тянул и тянул. Знаешь, как трудно взять и с бухты-барахты заявить девушке, что ты хочешь порвать отношения? Когда произошла та ссора, я воспользовался ситуацией и улизнул. Прости меня! Все дело в том, что мы слишком разные.

– И чем же мы такие разные? – спросила Сабина, вскинув брови. Слезы скопились в горле, но она еще могла их контролировать.

– Ты для меня слишком... слишком... благоразумна. Ты не способна на безрассудство.

– Я способна! – крикнула Сабина.

– Прости, я не так выразился. – Дима выставил вперед руки. – Ты способна. Но ты слишком правильная, и никакие безрассудства не доставляют тебе удовольствия. Помнишь, мы гуляли по вечерней Москве, было жарко, мы заговорили о море, и я предложил все бросить и прямо сейчас, сию же минуту, слетать в Сочи искупаться?

– И я согласилась!

– Да, согласилась. Но тебе было настолько некомфортно, что уже через час я почувствовал себя дураком. Для того чтобы ты получила удовольствие, ты должна была все знать заранее. Заказать билеты, собрать сумку, продумать маршрут...

– И часто вы с женой пускаетесь в авантюры? – зло спросила Сабина.

– Господи, при чем здесь авантюры? Это просто пример. – Он остановился напротив нее и неожиданно улыбнулся: – Ты ведь все понимаешь, правда?

Сабина все понимала. Она умная, самостоятельная и чрезмерно организованная. Она трудная. На таких не женятся замечательные молодые люди, для которых безрассудства и легкое отношение к жизни важнее всего остального.

Дима еще некоторое время излагал свои доводы, потом понял, что нужно сворачивать разговор, потому что лицо Сабины постепенно тяжело, наливаясь слезами. Он торопливо распрощался, поцеловал ее куда-то за ухо и ушел, удовлетворенный тем, что трудный разговор состоялся. Он приезжал выполнить свой долг. Он повзрослел и многое понял.

Сабина стояла столбом, уставившись на закрывшуюся дверь. Она чувствовала себя оскорбленной и униженной. И больно ей было так, будто никаких семи лет не было и в помине, а с Буримановым они поссорились только вчера. Старые чувства ожили и нахлынули на нее с неудержимой силой. Она упала вниз лицом на кровать и горько заплакала.

Петя обнаружил ее первым. Поскольку никакие его увещевания на сестру не действовали, он позвал на подмогу сначала мать, потом близкую Сабину подругу Тамару и напоследок отчима, который страшно разволновался. Все бегали вокруг кровати и пытались узнать, в чем дело, но Сабина не говорила. А чтобы ей не мешали рыдать, накрыла голову подушкой.

– Надо просто переждать это, – наконец сдалась мама. – Никто не знает, что случилось? Все отрицательно покачали головами.

– Пойду принесу чего-нибудь выпить, – решил Петя и быстро вышел, впустив в комнату звуки праздника.

Внизу грохотала музыка, но до второго этажа доносились одни басы и жуткий топот танцующего стада гостей, слышался истеричный женский смех и мужской гогот. Время от времени все это перемежалось криками «Горько!». Гости вопили так неистово и заканчивали таким визгом, будто никогда раньше не видели, как люди целуются.

– Наверное, она встретилась с Буримановым, – предположила Тамара, с сочувствием глядя на сотрясающуюся подругу. – Они семь лет не виделись.

Тамара была невысокой и полненькой и, несмотря на свежесть, как-то незаметно перешла в «средний возраст». Если Сабину в магазинах все еще называли «девушкой», то к Тамаре обращались не иначе как «Женщина!». Она постоянно сидела на диетах, но, вероятно, это шло вразрез с ее личной генетической программой, и вес упорно возвращался. «Ничто так не окрыляет женщину, – любила повторять Тамара, глотая несоленую овсянку, – как пара сброшенных килограммов».

Она до сих пор не вышла замуж, потому что мечтала о принце, хотя на всякий случай держала про запас старого поклонника. Если принц задержится еще года на два, она плюнет

на него и создаст стабильную семью. Вероятно, именно уверенность в завтрашнем дне делала Тамару миролюбивой и жизнерадостной.

– Да, это наверняка старая любовь, – мрачно заметила мама. – Из-за чего еще можно реветь в таком платье?

Она беспомощно посмотрела на мужа. Сабинин отчим выглядел очень солидно: седая шевелюра, очки, значительный подбородок... Он был известным ученым, занимался лингвистикой, научными переводами, возрождал мертвые языки, расшифровывал древние манускрипты и ничего не понимал в женских проблемах.

– Не может быть, чтобы девочка так расстроилась из-за парня, с которым рассорилась семь лет назад, – сказал он, насупившись. – Для этого она слишком благоразумна!

В ответ на его слова девочка зарыдала с удвоенной силой.

– Она нас слышит, – с изумлением заметила мама, потому что рыдания были самозабвенные.

В тот же миг подушка отлетела в сторону, и Сабина, растрепанная и красная, как помидор, рывком села на кровати.

– Почему ты так сказал?! – с ненавистью глядя на отчима, спросила она. – С чего вы все взяли, что я благоразумная?! Я самая большая дура на свете!

Очень вовремя вернулся Петя с подносом, на котором стояла бутылка вина и бокалы.

– О! – воскликнул он, увидев зареванную сестру с распухшим носом и торчащими в разные стороны волосами. – Восставшие из ада! Хочешь выпить?

Он налил ей полный бокал, и Сабина большими глотками осушила его до дна. Присутствующие смотрели на нее с некоторой опаской.

– Я поеду домой, – сообщила она сдавленным голосом.

– Не думаю, что это хорошая идея, – решительно возразила мама, а Петя громко закричал:

– Ну, вот еще! Я тащился сюда только для того, чтобы с тобой поговорить. У меня дело горит, и ты обещала мне помочь!

Сабина поджала под себя ноги, отогнула край пледа и вытерла им нос. Выпитый на голодный желудок алкоголь сразу ударил ей в голову. Стало жарко, потому что кровь быстрее побежала по сосудам, растворив заодно и комок слез, который до сих пор мешал ей дышать. Но даже в таком состоянии она понимала, что отпираться бессмысленно. Если брат что-то задумал – все, можно считать это приговором.

– Давай говори, чего тебе надо, – проворчала Сабина, – и я двинусь в город.

Она ни на кого не смотрела, угрюмо уставившись в угол комнаты. Петя отхлебнул вина и заявил:

– Я хочу, чтобы ты уволилась с работы. Прямо завтра.

Мама и Тамара вытаращили глаза. Отчим длинно присвистнул, что было ему совсем несвойственно. И даже «виновница торжества» соизволила оторваться от созерцания обоев и внимательно посмотрела на братца.

– Чего-чего? – с искренним недоумением спросила она.

– Ты ведь знаешь, как важно сейчас моей фирме утвердиться на рынке, – с горячностью заявил Петя, взмахнув бокалом. Немного янтарной жидкости выплеснулось и упало на явно новый ковер. Никто не обратил на это святотатство никакого внимания. – Мы должны себя зарекомендовать с самой лучшей стороны.

– А я тут при чем?!

На лице мамы появилось удовлетворение. Лучше пусть Сабина орет на брата, чем молча рыдает в подушку.

– Сейчас все объясню. – Петя поставил бокал на комод и засунул руки в карманы. Потом снова вытащил их и принялся жестикулировать. – Я нашел одному «випу» из государственного

аппарата потрясного помощника. Чиновник так доволен, что просто не знает, как меня благодарить. Я попросил рекомендовать мою фирму друзьям, и он откликнулся. Привел ко мне своего знакомого и заявил, что очень обязан этому типу. Если я и для него найду стоящего помощника, причем сделаю это быстро, у меня не будет недостатка в клиентах. Моя фирма сразу же перейдет в высшую лигу.

– И что? – с вызовом спросила Сабина, хотя уже обо всем догадалась.

– Ты знаешь, как трудно сейчас с кадрами?! – закричал Петя, предчувствуя битву и кипящая из-за этого сверх всякой меры. – Ты понимаешь, что такое помощник важной персоны? Это не просто банальный секретарь, который занимается делами фирмы по строгому графику! Этот человек должен жить жизнью своего босса! Быть для него мамой и папой! Ненормированный рабочий день, безумные нагрузки, опять же несносный характер работодателя – вот что его ждет!

– А что за важная персона? – встряла в его монолог Тамара, отличавшаяся неумным любопытством. – Браток какой-нибудь? Бритый под ноль?

– Нет, не браток, – жестко ответил Петя. – Этот человек занимается производством бумаги. Его фамилия Тверитинов. Он не только бизнесмен, но и ученый. Гений инженерной мысли! Создает бумагоделательное оборудование, разрабатывает новые технологии. У него нет ни одной свободной минуты, и его помощнику, конечно, придется несладко. Но я должен угодить этому типу! Во имя дальнейшего процветания фирмы. У меня есть несколько людей с достойными резюме, но тут нужен не просто хороший кандидат, тут нужна жемчужина!

– И эта жемчужина – я, – мрачно резюмировала Сабина.

Петя посмотрел на нее недоверчиво. Она не брызгала слюной и не топала ногами. И даже не смеялась. Это его обнадежило, и он с большим чувством продолжил:

– Я знаю, что ты меня любишь и не дашь пропасть делу всей моей жизни! Ты очень подходишь для такой работы. Я буду спать спокойно, зная, что ты взяла Тверитинова в свои руки. Ты обладаешь всеми нужными качествами.

– Я сильная, – подтвердила Сабина, – ответственная и организованная.

Не уловив в ее голосе трагических нот, Петя продолжал:

– Тверитинов дал согласие лично приехать в «Правую руку», чтобы познакомиться с новым помощником. Теперь понимаешь, что я в ауте?! Одна ты можешь меня спасти. Завтра ты должна уволиться и начать работать на меня.

Сабина спустила ноги с кровати и пристально посмотрела на свои туфли.

Отчим фыркнул и сказал, что сходит за новой бутылкой вина. Кажется, ему просто не хотелось участвовать в скандале, тень которого уже нависла над комнатой.

– Но твоя сестра служит в хорошей фирме, – неуверенно заметила мама. – Делает карьеру...

– Какая чепуха, – отмахнулся Петя. – Знаю я их фирму! Их хозяин – сатрап. Он заставляет мужчин носить одинаковые галстуки, а женщин – юбки и блузки в стиле Надежды Константиновны Крупской. Трудовую деятельность служащие начинают и заканчивают по звонку. Им запрещается перекусывать на рабочем месте и больше трех раз в день ходить в туалет. Ну? И какую карьеру можно сделать в таком ужасном месте?

– А что с зарплатой? – спросила Тамара, жалея, что определенные обстоятельства мешают ей предложить свою кандидатуру.

Она подтащила к кровати стул, который отыскала в углу, и села так, чтобы держать в поле зрения всех присутствующих. Тамара была не только подругой Сабины, но одновременно и родственницей Брусницыных. Правда, дальней родственницей, седьмая вода на киселе, но все же это давало ей право участвовать во всякого рода семейных разборках.

– Все знают, сколько Сабинка получает? – спросил Петя и с победным видом добавил: – Так вот. Тверитинов платит в три раза больше.

Сабина, еще несколько часов назад надеявшаяся поразить Диму Буриманова своими деловыми успехами, устало сказала:

– Из «Альфы и омеги» меня никто не отпустит. Если я подам заявление по собственному желанию, его будут долго рассматривать. Я у них лучший проектный менеджер. Но даже если Кологривов согласится, меня еще заставят отбывать две недели.

– Но почему обязательно по собственному желанию? – вскинулся Петя. – Сделай что-нибудь ужасное, чтобы тебя выгнали с треском.

– Что, например?

– Ну, не знаю. Запишись на прием к начальнику отдела кадров и укуси его за нос.

– Петя, прекрати, – засмеялась мама. – Она испортит себе трудовую книжку.

– Вот именно. И государство начислит мне очень маленькую пенсию, – пробормотала Сабина.

– Боже мой! – закричал брат, чувствуя, что добыча от него ускользает. – На дворе двадцать первый век! Планете грозит глобальное потепление, нефти осталось всего на двадцать лет, ураганы сноят целые государства, куры болеют гриппом! А ты все еще веришь, что доживешь до пенсии?!

В этот момент вернулся отчим с бутылкой токайского. Вино он уже опробовал, и, судя по выражению лица, оно оказалось отменным.

– Зачем вы орете? – благодушно спросил он, довольный тем, что приемная дочь перестала рыдать. И обратился к Пете: – Конечно, она откажется от твоего предложения.

– Да почему? – вспетушился тот.

– Потому что бросать хорошую работу с бухты-барахты неблагоприятно.

Именно этого слова произносить не стоило. Но откуда отчим мог знать? Он его произнес, и в глазах Сабины появился нехороший блеск.

– А я, значит, всегда поступаю благоприятно? – уточнила она, оглядев всех родственников по очереди.

У мамы был странный вид. Точно с таким же выражением лица она смотрела на пятилетнюю Сабину, когда та портновскими ножницами отрезала себе под одеялом надоевшие косы.

– Разумеется, – не слишком уверенно подтвердил отчим. – Благоразумие – одно из твоих лучших качеств.

– Да уж, – вздохнула Тамара. – Такой характер – не приведи господи. Помню, когда мы еще на первом курсе учились, в каникулы поехали на турбазу под Подольск. Познакомились там с классными парнями. Вечером они позвали нас в гости, а эта мисс благоразумие возьми и... Впрочем, неважно, – стушевалась она.

– Так что? – спросил Петя, глядя на сестру в упор.

– Я согласна, – неожиданно для всех ответила Сабина. – Завтра утром я нарушу трудовую дисциплину особо изощренным способом. Надеюсь, меня успеют уволить до того, как твой Тверитинов явится на смотрины.

* * *

Красное трикотажное платье с глубоким вырезом плотно облегло фигуру Сабины и заканчивалось гораздо выше колен. В столь вызывающем виде служащим «Альфы и омеги» категорически запрещалось являться на работу. Что еще им категорически запрещалось, было перечислено в специальном приказе, с которым знакомили каждого счастливчика, зачисленного в штат. Копия приказа в настоящее время лежала на столе перед Сабиной.

Явившись на работу, она, еще в плаще, застегнутом на все пуговицы, отправилась к Кологривову и честно попросила его подписать свое заявление об уходе. Он сказал: «Не выдумывайте», – скомкал заявление, отбросил его в сторону и быстро вышел, сославшись на дела. Он

практически не оставил ей выбора. Тем более что через каждые пять минут Сабине звонил младший брат и спрашивал: «Ну, как? Все получилось?»

Сейчас она сидела в кресле, развязно покачивая ногой, и грызла яблоко. На углу стола красовалась горка сочных огрызков. Рядом, брошенные в беспорядке, валялись рабочие документы, на верхнем из которых недавно стоял мокрый стакан с чем-то оранжевым. Подле них находилась пепельница с тремя свежими окурками. По кабинету плавал табачный дым.

Сабина посмотрела на часы. Прошло ровно четыре минуты с тех пор, как к ней заглянула Инга из бухгалтерии. Инга хотела что-то сообщить, сунула голову в дверь, поворачивала глазами и скрылась в неизвестном направлении. Сабина раздумывала, куда она побежала жаловаться: службе безопасности на верхний этаж, администратору на второй или пожарникам на первый? Как позже выяснилось, к администратору.

Кстати сказать, он и был автором той писульки, согласно которой сотрудники не имели права также: использовать телефон в личных целях; в тех же целях выходить в Интернет с рабочего компьютера; проносить в кабинеты еду и есть ее; курить в любом месте, кроме строго отведенного; покидать здание без личного распоряжения руководства; кучковаться в коридорах и на лестницах и т. д., и т. п.

Явившись на работу и надев свои немислимые «шпильки», Сабина вышла в Интернет и загрузила сайт «Личные знакомства», пестревший сердечками и фотографиями мускулистых красавцев. Позвонила по телефону всем подругам по очереди. Четверть часа назад заказала пиццу с грибами и теперь ждала, когда ее доставят, втайне надеясь, что на входе поднимется шум. В промежутке между этими бесчинствами она сходила в зимний сад, похитила оттуда невероятной красоты кактус и занесла к себе в кабинет. По дороге ей встретился главный аналитик Песков. Проходя мимо, она громко сообщила, что у него потрясающая задница. Еще она успела принять важного клиента, выяснить, что его зовут Толик, и наговорить ему глупостей.

Администратор появился спустя девять минут тридцать секунд. Это был мужчина неопределенного возраста с бледно-розовым пористым лицом, напоминавшим тушку ошипанного цыпленка. Никто не знал, как его зовут, потому что откликался он только на фамилию – Величко.

– Входите! – крикнула Сабина, после чего отъехала вместе с креслом назад и водрузила ноги на стол.

Величко вошел и встал как вкопанный.

– Ну, – сказала Сабина недовольным тоном. – Чего вы молчите? Вы по делу или просто так?

Дар речи, которым Величко владел с тех пор, как произнес первое «агу», покинул его. Администратор раскрыл рот, продемонстрировав бледный язык, и тут же закрыл снова, клацнув зубами.

Сабина некоторое время смотрела на посетителя с неудовольствием, затем чело ее просветлело, и она предложила приятельским тоном:

– Хотите выпить? – И достала из ящика стола плоскую фляжку, в которой что-то мягко плескалось.

Величко не выразил такого желания, и она выпила сама, ловко отвинтив пробку и прижавшись к горлышку влажными губами.

– Что вы на меня так смотрите? – обеспокоенно спросила она, когда администратор начал медленно краснеть. Сняла ноги со стола, поднялась и, слегка пошатываясь, подошла поближе. Взяла его за галстук и сообщила: – Вы такой милый!

Винтики в голове Величко бешено вращались. Допустить столь вопиющее нарушение дисциплины могла только сотрудница, точно знающая, что ее не уволят. Ни за что и никогда. Вероятно, она имеет влияние на Кологривова. Большое влияние. Администратор неискренне улыбнулся и козлиным голосом произнес:

– Вот, зашел узнать, не закончились ли у вас канцелярские принадлежности.

– О! – явно обрадовалась Сабина. – Наклонитесь поближе, я вам скажу.

Величко испугался, потому что она взяла его за шею, притянула к себе и что-то такое сделала с мочкой его уха.

– Что вам нужно? – жалко пискнул он.

– Хочу, чтобы ты на меня пожаловался, – шепотом сообщила Сабина. – Кологривову. Пойди к нему. Скажи, что я недостойна работать в такой прекрасной конторе, как «Альфа и омега».

Величко вырвался, выпрыгнул из кабинета и помчался к себе, что называется, не разбирая дороги. Уже от себя он позвонил на верхний этаж и сообщил, что проектный менеджер Брусницына пьяна и вот-вот устроит дебош.

Не успели его следы остыть, как к двери в комнату Сабины мягким шагом подошел сотрудник внутренней безопасности Мешков. У него был вид кота, попавшего на мышинный праздник. Весь он дышал предвкушением.

– Добренький денек, – поздоровался он, входя без стука. Сабина как раз прикладывалась к фляжке.

– Салют, – ответила она и вытерла губы тыльной стороной ладони. – По делу или так, поздороваться?

– Вы что-то отмечаете, госпожа Брусницына?

– Отмечаю удачный контракт, – пояснила та. – Недавно у меня был клиент.

С лица Мешкова мгновенно сдуло всякое выражение. Теперь он казался человеком, начинающим лишенным эмоций.

– А Валерий Федорович в курсе, что у вас тут... веселье?

– А вы сходите, доложите ему, – азартно предложила Сабина.

Мешкову ее тон не понравился. Как человек ушлый, он пришел к тому же выводу, что и администратор несколько минут назад. Раз простой менеджер так нагло себя ведет, значит, чувствует свою абсолютную безнаказанность. Может быть, босс теперь использует девиц для заключения выгодных контрактов?

В это время Кологривов принимал потенциального клиента.

– Ну, ты готов подписать договор?

Он сидел в кресле за рабочим столом. Стол был таким огромным, что пристроенные на краю бумаги казались салфетками. Расположившийся напротив клиент – его приятель Толик – лениво курил.

– Если мной будет заниматься Сабина, то да. – Толик глумливо ухмыльнулся. – Какие у нее ноги!

Кологривов некоторое время раздумывал над его замечанием, а потом удивленно переспросил:

– Ноги?

На службе он никогда не обращал внимания ни на какие ноги. Все женщины в «Альфе и омеге» отчего-то носили пуританские юбки и учительские кофты, в которых выглядели весьма неаппетитно. За исключением его собственной секретарши Аллы, с которой он крутил романчик. Но к ногам секретарши он давно привык.

– Эта твоя менеджер такая лапочка, – добавил Толик, подмигнув.

Кологривов видел Брусницыну вчера в конце рабочего дня, и она совершенно точно не показалась ему лапочкой. Впрочем, раздумывать об этом было некогда – сразу вслед за Толиком прибыла рабочая делегация из Питера. Он встретил гостей в конференц-зале и велел секретарше беспокоить его только в самом крайнем случае.

Не прошло и четверти часа, как этот крайний случай наступил. Служба безопасности сообщила, что проектному менеджеру Брусницыной принесли огромную пиццу прямо на рабочее место, и теперь на втором этаже пахнет грибами.

Кологривов недоуменно посмотрел на телефонную трубку и шваркнул ее на место. Через некоторое время звонки пошли косяком: ему докладывали о бесчинствах Брусницыной, которая якобы разорила зимний сад, застопорила оба лифта, испортила пожарную сигнализацию и напала на начальника отдела кадров, который, к счастью, отделался легким испугом.

Перед питерцами пришлось извиниться. Кологривов вылетел из конференц-зала и спросил бледную секретаршу:

– Где она?

– В гостевом зале, – проклекотала та.

Гостевой зал представлял собой небольшую комнату, в которой Кологривов выставил для всеобщего обозрения несколько раритетных картин и коллекцию старинного оружия. Сабина, вооруженная ружьем с серебряным прикладом, встретила его на пороге.

– Вот и вы! – мрачно воскликнула она, глядя на босса косыми глазами. – Долго же я ждала. Вы подписали мое заявление?

Она сделала вид, что прицеливается. Кологривов страшно перепугался и упал на ковер. Ружье, разумеется, было не заряжено, но кто знает этих женщин?..

– Не могу я вас уволить! – крикнул он.

Он и вправду не мог: боялся потерять Толика, которому так понравились ноги проектного менеджера.

– Тогда я вас задушу, – сообщила изрядно перебравшая Сабина. Отбросила ружье в сторону и прыгнула на босса сверху.

Примерно в то же время законная супруга Кологривова, ведомая роком, вторглась в здание «Альфы и омеги» и поднялась в святая святых. Секретарши на месте не оказалось, и она прошла прямо в кабинет мужа. На его столе лежал приказ о повышении заработной платы Брусницыной Сабине Михайловне. Рядом, на полу, валялось смятое заявление той же самой Брусницыной Сабины Михайловны об увольнении по собственному желанию. Подписи на заявлении не было.

Мадам Кологривова поджала и без того тонкие губы. Выплыла в коридор и огляделась по сторонам. Из обычно пустой курилки просачивался сигаретный дым и доносились голоса. Она замедлила шаг и прислушалась.

– Понятия не имел, что у Сабины такая попка, – восхитился баритон. – Пока она не пришла в этом платье...

– Говорят, утром она поцеловала Величко в ухо, и он до сих пор не может прийти в себя, – откликнулся бас. – Сидит в своем кабинете с глупой рожей.

– А сейчас она где? Я тоже хочу взглянуть на попку, – вмешался тенор.

– Не получится. Согласно последним агентурным данным они с Кологривовым заперлись в гостевой комнате. Рычат и катаются по полу.

– Никогда не думал, что босс на такое способен.

Мадам Кологривова тоже не думала, что муж на такое способен. Прежние его интрижки с сотрудницами были довольно вялыми, а секретаршу Аллу она почти любила за глупость и недалекость. Хмурая, как тренер сборной по хоккею перед началом решающего матча, она быстрым шагом вернулась в кабинет, подобрала заявление Брусницыной об уходе и яростно расправила его на коленке.

Тем временем ее супруг вырвался, наконец, на волю. За время поединка Сабина отгрызла ему две пуговицы на рубашке, затянула галстук до самого подбородка, вывихнула мизинец и изрядно взъерошила усы. Он так и не понял, что это на нее нашло, но настроение у него тем не менее было потрясающим. Да, в силу своего положения он мог рассчитывать на внимание

практически любой сотрудницы, но до сих пор ни одна из них не набрасывалась на него с такой жадностью.

– Теперь вы меня уволите? – воинственно спросила Сабина уходящего Кологривова, пытаясь отдышаться.

– Ни за что, – бросил он, не оборачиваясь. – Более того. Я собираюсь сделать вас своим заместителем по работе с клиентами.

Сабина плюнула прямо на эксклюзивный ковер. Доплелась до своего рабочего кабинета и позвонила Пете.

– Ничего не получается, – мрачно заявила она. – Чем хуже я себя веду, чем быстрее продвигаюсь по служебной лестнице.

Ее и саму удивил этот парадокс. Может быть, Буриманов был не так уж не прав, когда намекал, что жизнь – это плутовской роман, а не сборник нормативных актов?

– Ты нарушала корпоративную этику? – строго спросил Петя.

– Кажется, я нарушала даже уголовный кодекс.

– А про фляжку с коньяком не забыла?

– В ней не осталось ни одной капли.

– Черт побери! – закричал Петя. – Ты даже пьяная такая примерная, что к тебе невозможно придраться! Моему клиенту именно это и нужно! В общем, так: если ты не придешь сегодня в пять часов на собеседование с Тверитиновым, можешь считать, что у тебя больше нет брата.

Сабина бросила трубку на рычаг и раздула ноздри. Злая слеза скользнула по ее носу и упала на стол. Она создала себе блестящую репутацию, которая теперь крепко держала ее в своих когтях. Не зря Буриманов бросил ее еще в туманной юности. Вероятно, она уже тогда была покрыта панцирем благонадежности. Такие женщины, как она, должны оставаться старыми девами и работать на правительство.

Сабина достала пудреницу, раскрыла ее, заглянула в зеркальце, увидела собственный нос и сказала ему:

– Судьбу не обманешь. Выходит, мне не суждено встретиться с Тверитиновым, кем бы он ни был.

Именно в этот момент дверь распахнулась и на пороге появилась пятнистая от возбуждения секретарша босса. В руке у нее был конверт, перевязанный мятой золотой ленточкой, снятой с коробки конфет.

– Вам просили передать, – сказала секретарша, пустив конверт по полированной поверхности стола. И сразу же собралась уходить.

– А что это? – остановила ее изумленная Сабина, с трудом поймав посылку.

– Подарок на день рождения. От супруги босса.

– Но у меня день рождения летом. Она все перепутала.

– Вряд ли, – голосом, полным яда, ответила секретарша.

Если бы у нее хватило смелости, она содрала бы с Сабины нахальное красное платье и переломала «шпильки» на ее туфлях. Ей хотелось остаться и посмотреть, как эта вертихвостка среагирует на то, что найдет внутри конверта. Но оставаться было неудобно, и она вышла. Однако все же не выдержала и прижалась ухом к двери с другой стороны.

Она знала, что за подарок приготовила Сабине мадам Кологривова после грандиозной разборки с мужем. В конверте лежали подписанное заявление об уходе, трудовая книжка ее соперницы и «бегунок», с которым Алла только что лично обошла все отделы.

Она стояла, затаив дыхание. Вот послышался звук разрываемой бумаги... А через минуту из комнаты донесся громкий вопль. Секретарша ухмыльнулась и, абсолютно счастливая, возвратилась в приемную.

* * *

– Ваша Сабина нам не подходит, – безапелляционно заявила мымра, сверкнув очками в черепаховой оправе. – Она слишком толстая.

Петя смотрел на собеседницу не моргая. Он ожидал услышать все, что угодно, – что у его сестры плохая дикция или она неразборчиво пишет, хотя все это было неправдой. Но такое!

– Простите, – ледяным тоном заметил он. – А какое значение имеет в данном случае ее фигура? Практически безупречная, я бы сказал. Тем более что вашему боссу Сабина понравилась.

Петя слегка преувеличил. Его сестра явилась на встречу с размазанной тушью под глазами. И от нее так явно пахло коньяком, что пришлось принимать меры. Пока Сабина приводила себя в порядок, он пытался удержать Тверитинова в кабинете. Однако бизнесмен то и дело поглядывал на часы. В конце концов он заявил, что ждать больше не может, встал и двинулся к выходу. Именно в этот миг появилась бледная как мел, кандидатка на вакантную должность. С работодателем она столкнулась в дверях, и Тверитинов на ходу бросил:

– А, так это вы самая лучшая помощница на свете! Рад, что вы, наконец, появились.

– А уж как я рада, – хриплым голосом ответила та.

– Так что же?.. – крикнул ему вслед Петя, и клиент через плечо бросил:

– Завтра в восемь я ее жду.

Тверитинов работал по контрактам с крупными западными производителями бумаги, разъезжал по всему миру, занимаясь усовершенствованием оборудования и технологий. Кроме того, он имел собственную компанию «Бумажная птица», которая вышла на рынок с дизайнерской бумагой ручного изготовления. Продукт делали высшего класса – из хлопка, льна, тутового дерева, крапивы... Отбоя от клиентов не было. Многие желали стать обладателями уникальных визиток, открыток, почтовых наборов, необыкновенных конвертов и фирменных бланков. Девиз «Создай свой стиль» звучал привлекательно. Конкурентная борьба заставляла и фирмы, и отдельных личностей искать любые способы, чтобы выделиться, не затеряться среди себе подобных, а значит – выжить.

Мымра занимала в «Бумажной птице» должность администратора. Вероятно, вечно загруженный Тверитинов передал ей слишком большие полномочия, потому что вела она себя вызывающе. По телефону она представилась Эммой Бениаминовной Грушиной, а при личной встрече просила называть себя просто Эммой и по-мужски пожала протянутую Петей руку.

Грушина приехала с Тверитиновым и осталась после его ухода обсудить детали. Теперь она сидела напротив Пети в кресле, положив ногу на ногу, и курила, выдыхая в его сторону длинные драконьи струи дыма. Ей недавно исполнилось сорок восемь лет, ее взрослая дочь-археолог жила на раскопках, а муж давным-давно сбежал – к владелице салона красоты, рыжей вульгарной девице, которая важнейшим из всех искусств считала узоры на ногтях. Эмма решила, что в подобных обстоятельствах она вправе отыгрываться на других.

Она была высокой и крупной дамой с красивым лицом, которому отчаянно не хватало мягких линий. Скверный характер отталкивал от нее новых подруг, а тяжелый взгляд – потенциальных ухажеров. Короткая стрижка излишне подчеркивала тяжелый подбородок и полную шею. Никто и никогда не назвал бы ее очаровательной женщиной.

– Сергей Филиппович ничего не говорил о том, что желает измерять свою помощницу в сантиметрах, – уперся Петя.

Ему хотелось дать мымре под дых, чтобы вывести ее из состояния равновесия. Она была спокойна, как удав. В сложившейся ситуации это Петю сильно раздражало.

– Зато я вам говорю, – возразила Эмма. – Сергей Филиппович не вникает в детали. Он просто забыл кое о чем в силу своей занятости. Видите ли, у нас есть одна загвоздка.

Сабина сидела за стеклянной перегородкой и делала вид, что ей ничего не слышно, хотя изо всех сил напрягала слух и могла уловить многое из интересующего ее разговора.

– У вас слишком узкие кресла? – саркастически спросил Петя. – Как же вы работаете, если отвергаете высокого профессионала по такой непристойной причине? Это дискриминация полных женщин!

Сабина налилась краской и стала похожа на неровно вызревший помидор. Дожила. Ее называют полной женщиной. Какое свинство! До сих пор ей как-то не приходило в голову комплексовать по поводу своего веса. Может быть, зря? Если почитать женские журналы, получится, что буквально вся страна борется с целлюлитом и складками на животе.

– Все очень просто. – Эмма распилила собеседника взглядом сверху вниз, рассчитывая, очевидно, что он сию секунду распадется на две половинки. – Мы ищем помощницу потому, что предыдущая, Аня Варламова, вышла замуж за иностранца и покинула страну. Все это произошло несколько неожиданно и очень не вовремя. Накануне важных событий. Через две-три недели Сергею Филипповичу предстоит ряд официальных встреч с представителями бумажного бизнеса, посещение светских мероприятий, зарубежные поездки и контакты с западными партнерами. Помощнице придется его сопровождать. Выглядеть она должна, безусловно, достойно. Сергей Филиппович выделил средства на то, чтобы подобрать ей гардероб. Была потрачена большая сумма, и у нас на руках остался чемодан с одеждой, которую уже поздно возвращать в магазины. Каждый костюм и платье расписаны под определенное мероприятие.

– Вы это серьезно? – не поверил Петя.

Эмма Грушина не обратила на его взлетевшие брови никакого внимания.

– Нам нужна девушка сорок четвертого размера, – не терпящим возражений тоном закончила она. – И мы обязательно такую найдем. Ваша нам не подходит. – Она бросила короткий взгляд на Сабину, которая сидела за перегородкой совершенно неподвижно и непонятно о чем думала. – Впрочем...

– Что? – насторожился Петя.

– Если она сумеет похудеть до сорок четвертого...

– За две недели? Не смешите меня.

– Вам следует с ней поговорить. Возможно, ей очень нужна работа.

– Ошибаетесь. Это лучший кадр в моем агентстве, – отрезал Петя. Ему резко расхотелось угождать Тверитинову. В конце концов, за кого его принимают?! – Работу она найдет в два счета. За ней выстраиваются очереди. Предлагая вам ее кандидатуру, я хотел оказать любезность своему клиенту, который попросил меня посодействовать Сергею Филипповичу.

На лице Эммы Грушиной впервые отразились сомнения.

– Я не знала, что у вас личные расчеты. – Она отступила, но только на полшага. – Все-таки поговорите с Сабиной. Возможно, она готова немного поголодать.

Петя поднялся, вышел за стеклянную перегородку и мотнул Сабине подбородком. Сестра встала и проследовала за ним в коридор.

– Я сяду на диету, – с места в карьер сказала она.

– А мне это кажется унижительным, – возмущался Петя. – Тебя заставляют голодать силой. Плюнь на них, я найду тебе другого клиента, не хуже.

– Не надо искать другого, – стояла на своем Сабина. – Уволившись, я совершила безрассудство и не желаю, чтобы оно пропало даром! Я хочу работать на Тверитинова – и basta.

– Если бы этот бумажный магнат не был таким сухарем, я бы подумал, что он тебе понравился, – пробормотал брат.

Тверитинов действительно выглядел не слишком привлекательно: громоздкий, в строгом костюме, с темными волосами, зачесанными назад, с большим лбом и невнимательными глазами, которые постоянно смотрели куда-то вдаль, игнорируя собеседника. Упрямую линию губ

подчеркивала маленькая горизонтальная складка на подбородке. Сложно было представить его улыбающимся во весь рот.

– Я рассматриваю его с других позиций, – искренне ответила Сабина. – Не хам ли он, например. Возможно, он привык орать на своих помощников, а я ненавижу, когда на меня орут. Диета по сравнению с этим кажется мне просто детской шалостью. Пойди скажи этой тетке, что я готова на жертвы. Подожди, я сама скажу.

Она вошла в комнату и остановилась на пороге, сцепив руки в замочек перед собой. Эмма как раз тушила очередной окурок в стеклянной пепельнице.

– Если дело только в вещах, которые не на кого надеть, то я согласна, – громко заявила Сабина. И пояснила на всякий случай: – Я согласна похудеть. Думаю, это пойдет мне на пользу. Стройность – залог здоровья, – добавила она.

Мымра молча уставилась на нее, но Сабина даже глазом не моргнула. После приключений в «Альфе и омеге» смутить взглядом ее мог разве что василиск.

– Сергей Филиппович одобрил вашу кандидатуру? – наконец спросила Эмма, которая выходила «пудрить носик», когда ее босс столкнулся в дверях с Сабиной и имел с ней весьма короткую беседу.

– Одобрил. Просил быть на месте завтра, в восемь утра. Кстати, на месте – это где?

– Ждите его возле машины, напротив подъезда. Адрес есть у Петра Михайловича. Но вы очень быстро ушли от важной темы. Вы способны ограничить себя в еде?

– У меня железный характер, – сообщила Сабина.

Позже Петя признался, что ее слова прозвучали угрожающе. Мымре они явно не понравились. Она даже заерзала на стуле.

– Полагаю, нам придется часто видаться, – процедила она. – Мы можем перейти на «ты» прямо сейчас.

– Я против, – быстро ответила Сабина. – На работе я со всеми держу дистанцию.

– Ваше право. – Эмма пожала плечами и поднялась на ноги. – Тогда до завтра.

Сабина с Петей подошли к окну и наблюдали за тем, как их недавняя собеседница спускается по ступенькам и садится в машину. Разумеется, за руль. Трудно было вообразить, что такая женщина позволит кому-то себя возить, даже таксистам. Как только автомобиль отъехал, Петя повернулся к сестре.

– Ты не похудеешь за две недели до сорок четвертого размера, – уверенно сказал он и критически оглядел «объект» с ног до головы. – Что мы тогда будем делать с этим пресловутым чемоданом? Наверняка там дорожные шмотки, которые простым смертным не по карману.

– Вероятно, этот Тверитинов – страшный сноб, – задумчиво произнесла Сабина. – Он хочет, чтобы у него все было лучшее – даже платье на помощнице. Дорогие вещи – дешевые понты. Впрочем, это неважно.

– Э-э-э... – пробормотал Петя. – Ты не сердись, что я втянул тебя в эту авантюру?

Он смотрел на старшую сестру ясными голубыми глазами, точно как в детстве, когда ему удавалось стащить у нее шоколадку.

– Не сержусь. С сегодняшнего дня я – человек, который легко совершает глупости. – Она вспомнила выражение лица Димы Буриманова и поправилась: – Со вчерашнего дня. Что же касается диеты... Понятия не имею, какую выбрать.

– Говорят, француженки – самые сексуальные женщины на свете, – заявил Петя. – Может быть, попробуешь поискать что-нибудь французское? Давай посмотрим в Интернете.

Он метнулся к столу и включил компьютер. Вошел в поисковую систему и напечатал ключевые слова: «Французская диета».

– Иди сюда! – позвал он Сабину. – Кажется, это то самое, что тебе необходимо. Можно похудеть за две недели! Смотри, что тут написано: *«Французская диета. Рассчитана на четырнадцать дней. Исключить соль, сахар, алкоголь, хлеб и другие мучные изделия. Во время соблю-*

дения этой диеты можно пить только кипяченую или минеральную воду. Повторить через полгода. Строго придерживаться меню, так как только такая последовательность приема пищи вызывает необходимые изменения в обменных процессах». У тебя будут изменения в обменных процессах, поняла?

Сабина подошла, приблизила лицо к экрану и ненадолго углубилась в чтение. После чего радостно воскликнула:

– Слушай, это же отличная вещь! Не так все страшно. Еды достаточно, голодать не придется! – Она зачитала вслух: *«Первый день. Завтрак: черный кофе. Обед: два яйца, листовой салат, помидор. Ужин: кусок нежирного вареного мяса, листовой салат»*. Салат я очень люблю! Яйца и мясо не дадут мне обессилеть. Правда, кофе придется пить без сахара, но это я как-нибудь переживу. Начну со следующего понедельника.

– У тебя нет возможности столько ждать, – отрезал Петя. – Начнешь прямо завтра. Встаешь в семь утра, пьешь черный кофе без сахара, и – вперед. Вот тебе адрес Тверитинова.

– Он даже не сказал, в чем заключается моя работа.

– Это и я могу тебе объяснить. Будешь делать все, чтобы облегчить ему жизнь. Перепечатывать доклады, чистить ботинки, отвечать на телефонные звонки, заказывать билеты на самолет, выпроваживать нежелательных гостей, следить за тем, чтобы босс не забыл поужинать...

– Стирать ему носки, – подхватила Сабина.

– Думаю, для такого дела у него имеется экономка.

– Которая легко влезает в сорок четвертый размер. А форменное платье у нее от Кардена.

– Тверитинов будет платить тебе по-королевски. За такие деньги обычно спускают три шкуры. Ты способна терпеть его несносный характер и дурные привычки?

Сабина снова вспомнила Диму Буриманова. Черт побери, она готова побывать в любых переделках! Ее жизнь больше не будет однообразной, похожей на расписание электричек. Уже через две недели она наденет пафосное платье, чтобы повсюду сопровождать ученого и бизнесмена Сергея Филипповича Тверитинова. Мужчины примутся строить ей глазки, а женщины бледнеть от зависти.

До сих пор все шло так, как она задумала. Судьба, казалось, была благосклонна к ней. Но это только казалось. На самом деле именно в эти минуты она готовила Сабине невероятную подлость.

Первый день

Завтрак: черный кофе.

Обед: два яйца, листовой салат, помидор.

Ужин: кусок нежирного вареного мяса, листовой салат

Ровно в восемь часов утра Сабина стояла во дворе огромного дома в Огородном проезде и ежилась от холода. Охранник пропустил ее за шлагбаум, но зорко наблюдал из будки за тем, что она делает. Она ничего не делала: ходила взад и вперед по крохотному пятаку, засунув руки в карманы плаща. Вокруг отдыхали джипы и длинные иномарки, по голым, ровно остриженным кустам скакали легкие воробьи. Она заранее выяснила, какой у Тверитинова автомобиль, и заучила его номер. Отыскала машину на стоянке и теперь топталась возле нее.

Неприятное чувство в желудке не добавляло ей оптимизма. Чашка черного кофе, которую Сабина проглотила утром, показалась ей дегтем. Она привыкла пить кофе с сахаром и сливками. Да еще после обязательного бутерброда с сыром. Мысль о сыре портила настроение, поэтому Сабина постаралась переключиться на что-нибудь позитивное.

«Даю себе слово, – поклялась она, – что не буду ныть и жаловаться, каким бы ужасным типом ни оказался этот Тверитинов. – Пришла пора проверить себя на прочность. Всю жизнь я жила по графику, избегая всего тревожащего и неизвестного. Нужно понять: чего я, в конце концов, стою на самом деле?»

Ее возвышенные мысли прервал звонок мобильного телефона. Она достала его из кармана и посмотрела на экранчик. «Номер не определен» – значилось там. Сабина с опаской поднесла трубку к уху. Вдруг это звонит Кологривов или администратор из «Альфы и омеги»? Возможно, во время вчерашнего бенефиса она что-нибудь испортила? Антикварное ружье, из которого стрелял сам Багратион, или кактус, цветущий раз в сто лет?

Тем временем из трубки до нее донесся незнакомый мужской голос:

– Ну, и что вы там стоите, как Третьяк на воротах? Вы необходимы мне здесь.

– Где – здесь? – переспросила Сабина, сообразив, что новый босс увидел ее в окно. Наверное, Эмма сказала ему, что новая помощница будет ждать возле машины.

– Поднимайтесь на седьмой этаж.

Она окинула взглядом фасад и направилась к единственному подъезду, обрамленному двумя колоннами. Внутри ее встретили мягкие ковры, которые стекали в зеркальное озеро холла со всех лестниц, теплые лампы и сонные диваны. Консьерж приветливо улыбнулся и кивнул, что произвело на Сабину примерно такое же впечатление, как если бы с ней поздоровался фикус, карауливший проход к лифту.

Очутившись на седьмом этаже, она повертела головой и увидела, что одна из двух дверей на лестничной площадке приоткрыта. Наверное, это знак, оставленный специально для нее. Осторожно потянула дверь за ручку и услышала в глубине квартиры голос Тверитинова. Он разговаривал по телефону, причем очень сердито. Сабина переступила порог и сразу же стащила с себя сапоги, опасаясь наследить на паркете. Потом сняла верхнюю одежду, помялась в коридоре и на цыпочках пошла вперед. Коридор был длинным и где-то вдали заворачивал за угол.

Из-за этого угла на нее и выскочила совершенно неожиданно маленькая пухлая женщина с «мучными» руками.

– Ой, боженьки мои, не успела вас встретить! – запричитала она. – Сергей Филиппович просил показать вам квартиру, чтобы вы освоились. Меня зовут Людмила Степановна, я экономка. Прихожу прибрать и приготовить, когда Сергей Филиппович попросит. А вы, выходит, будете с ним работать вместо Анечки, да?

– Выходит, – подтвердила Сабина и подумала: «Интересно, Тверитинов скучает по этой Анечке, которая взяла и вышла замуж за иностранца? Наверняка он к ней привык и некоторое время будет раздражаться просто потому, что я – не она».

Экономка Сабине понравилась. У нее было приветливое лицо и глаза с доброй искоркой. Милая тетушка, у которой всегда найдется для гостя тарелочка супа и ласковое слово. Она резво протасила Сабину по квартире, исключив лишь кабинет Тверитинова. Он по-прежнему говорил по телефону, теперь уже по-английски. Говорил свободно и красиво. Сабина ничего толком не успела рассмотреть и даже не смогла сосчитать, сколько здесь комнат.

– Все поняли? Вот и чудесно! Теперь вы уж сами... А я ужасно тороплюсь, – объяснила экономка.

Завела Сабину на кухню, поставила перед ней блюдо с пирогами и убежала, топоча маленькими полными ножками. Хлопнула дверь, и Сабина осталась один на один с пирогами. Некоторое время она сидела неподвижно, борясь с прожорливыми демонами, которые, оказывается, жили у нее внутри. Потом глубоко вздохнула и налила себе из чайника кипяченой воды. Чай – это она точно помнила – пить тоже можно лишь по расписанию. А так – только кипяченую воду и минералку.

Простая вода демонов не удовлетворила. Они требовали пирогов. Сабина стала гадать, с чем пироги: с капустой или с мясом. А может быть, с яблоками? Пытаясь решить эту задачу, она наклонилась и принялась вдумчиво обнюхивать блюдо. Даже закрыла глаза. И именно в этот момент услышала голос:

– Вижу, вы тут неплохо устроились.

Сабина отпрыгнула от стола вместе с табуреткой. Тверитинов стоял на пороге кухни и смотрел на нее даже без намека на улыбку.

– Здравствуйте, Сергей Филиппович, – выдавила она из себя. И твердо встретила его взгляд. – Меня ваша экономка пирогами угостила.

– Надеюсь, вы насытились, – заявил ее новый босс. – И не называйте меня Филипповичем, это слишком длинно и будет мешать работе. Просто Сергей.

– А я просто Сабина. Шесть букв, короче не получится.

На ее мелкий выпад он не обратил внимания.

– Идите за мной.

Тверитинов двинулся по коридору, уверенный, что она подчинится. Сабина даже обрадовалась, что ее уведут подальше от соблазна. Кабинет хозяина дома оказался неожиданно уютным: с продавленным диваном, теплым пледом, лампой под старым матерчатым абажуром. Новенький письменный стол, заставленный оргтехникой, выглядел здесь пришельцем из будущего.

– Присаживайтесь, – предложил Тверитинов, указав Сабине на кресло, возле которого притулился журнальный столик. Она уселась, и он продолжил: – Перед вами лежит синяя папка. Внутри ее список книг, которые нужны мне не позднее сегодняшнего вечера. Телефон книготорговой фирмы, в которую следует обратиться, – на последней странице. И позаботьтесь о доставке.

– Куда доставить? – тотчас спросила Сабина.

– В «Бумажную птицу», разумеется. Вы знаете адрес?

– Да, – ответила она, невольно переняв его телеграфный стиль общения.

Вчера вечером Петя накачал сестру необходимыми сведениями: адресами, телефонами, маршрутами. В том числе поделился и информацией личного характера. От него Сабина узнала, что Тверитинову сорок три года, что он был женат только один раз и давным-давно развелся. От этого брака у него есть дочь двадцати трех лет, которая недавно вышла замуж за безвестного американского исполнителя музыки кантри и теперь разъезжает с ним по всему миру с гитарой под мышкой.

– Под синей папкой еще одна, белая. Видите? В ней письма, которые необходимо проверить на наличие орфографических ошибок и отправить. Адресная книга в компьютере на рабочем столе. Да, конверты подпишите от руки, я на этом настаиваю. Ручки, бумага и все, что вам понадобится, – на столе. С этого дня вы – мое доверенное лицо. Можете открывать любые ящики и вообще делать в этом доме все, что вам угодно. Единственное неприкосновенное место – моя спальня. Туда, пожалуйста, не заходите ни при каких обстоятельствах.

– Как же можно? – пробормотала она.

А про себя добавила: «Не зайду, не рассчитывайте».

– Итак, отправьте письма и привезите мне квитанции. Закажите книги и проверьте своевременность доставки. Если доставка задержится, привезите их сами. Договоритесь с грузчиками и наймите «Газель». Вот вам адрес типографии. Съездите туда, желательно до обеда, и возьмите образцы бумаги. Следующее. Закажите номер в хорошей гостинице на имя Иванова Петра Михайловича на три дня, начиная с завтрашнего утра. В красной папке, она лежит в самом низу, тезисы доклада, подготовленные моим референтом. Проверьте, нет ли опечаток, и размножьте. Сделайте два экземпляра. Нет, три. В четыре часа напомните мне принять витамины. В семнадцать ноль-ноль по первому каналу начнется передача о новом бумажном комбинате в Подмоскowie. Запишите ее на видеокассету. Полейте герань, она в кухне на подоконнике.

Когда он замолчал, Сабина не выдержала и пробормотала:

– А розы вырастут сами.

– Простите, я не расслышал.

Он слышал ее отлично и усмехнулся про себя.

– Я говорю: много текучки. Не представляю, как вы справлялись сами. И я ничего не успела записать.

– На столе диктофон. Мои распоряжения зафиксированы на пленку, так что можете прослушать их еще раз, когда понадобится освежить память. Я уезжаю на пару часов. Вот вам номер моего мобильного, телефон экономки и ключи от квартиры. У меня здесь что-то вроде филиала офиса. В течение дня можно приходить и уходить, если требуют дела. Охранника и консьержа насчет вас я предупрежу. Что-нибудь еще?

Сабина облизала кончиком языка верхнюю губу. Она сидела в низком кресле, а Тверитинов по-прежнему стоял у стола, возвышаясь над ней, как башня. Разговаривать было не очень-то удобно. И все-таки она сказала, вскинув голову:

– Мы с вами даже толком не познакомились. Может быть, вы хотите обо мне что-то узнать?

– Только одно, – не задумываясь, ответил он. – Вы не собираетесь замуж?

– Определенно – нет.

– Хорошо. Все остальное меня не касается.

Старый приятель просто вынудил его обратиться в «Правую руку». Эмма, администратор, была страшно недовольна этим обстоятельством. Она хотела устроить к нему какую-то пигалицу девятнадцати лет, но он отказался наотрез. Из десяти пигалиц только одна готова выкладываться на работе. Не факт, что ему попадется именно такая.

Отказавшись от пигалицы, он отправился в эту самую «Правую руку» и, когда увидел Сабину, мгновенно решил, что возьмет ее. Она опоздала на встречу, но держалась великолепно. Ему понравились ее осанка и выражение лица. Никакого заискивания, никакой попытки понравиться. Тверитинов очень ценил в людях чувство собственного достоинства.

Сегодня кроме чувства собственного достоинства он заметил еще умные глаза и красивые ноги. Поэтому и ляпнул про спальню. Ане Варламовой он, помнится, ничего такого не говорил.

Как только хлопнула дверь, Сабина включила диктофон и изложила на бумаге все, что ей предстояло сделать. Как прирожденный стратег, она начала с конца: полила герань, отыскала чистую кассету и установила на видеоманитофоне таймер, чтобы аппарат включился в нужный момент. После этого очень резво надписала конверты и вложила в них письма. Размножила тезисы. Заказала по телефону номер в гостинице для неведомого Иванова.

Времени оставалось навалом. Сабина сходилась на кухню и, стараясь не смотреть на пироги, выпила еще один стакан воды. Прогулялась по комнатам туда и обратно, разглядывая интерьер. На пути ей почему-то постоянно попадалась дверь в спальню Тверитинова, и Сабина внезапно почувствовала непреодолимое желание в нее заглянуть. Прямо как героиня сказки о Синей Бороде – та тоже не могла с собой совладать и влипла в историю.

Боясь до смерти, что хозяин неожиданно вернется и застанет ее на месте преступления, Сабина положила ладонь на ручку двери. Она оказалась не заперта. Или босс рассчитывал на ее чувство порядочности, или в духе Джеймса Бонда налепил на дверь волосок, чтобы по возвращении призвать Сабину к ногтю.

И все-таки она вошла. Спальня была большой, но какой-то очень темной и пустой. Настоящее царство мужского аскетизма. На огромной кровати лежал серо-черный плед, из-под которого торчал кусочек белоснежной простыни – единственное светлое пятно в этой комнате.

Сабина подошла к окну и пошевелила штору. Заглянула в шкаф и пощупала ткань одной из висевших в нем рубашек. Потом сунула нос в комод, где царил идеальный порядок. Интересно, это экономка такая старательная или Тверитинов сам раскладывает трусы одинаковыми стопками? Она еще немного покрутилась по комнате и решила завершить свой визит красиво – взяла и упала на кровать, раскинув руки. И тут же представила, что произойдет, если хозяин дома неожиданно вернется. Он уволит ее с треском, и она испортит Петькиной фирме репутацию.

Сабина резво вскочила, но когда перекатывалась на бок, сережка зацепилась за плед и потянула ее назад. Она дернулась, сережка выскочила из уха и, проскакав по полу, закатилась под шкаф. Чертыхаясь, нарушительница границ встала на четвереньки и полезла ее искать. Экономка, наверное, наткнется на пропажу, когда будет мыть пол. И подумает, разумеется, что это сережка хозяйской любовницы. Интересно, у него есть любовницы? Разумеется есть, несмотря на то, что он такой противный и у него доисторическая прическа.

Сабина ложилась то на правый бок, то на левый, вжималась щекой в ковер, шарила рукой в пустоте, но безрезультатно. Шкаф был огромный, мощный и наверняка весил тонну. Сабина сбегала в кабинет, достала из своей сумочки зажигалку и галопом прискакала назад.

И вот когда трепещущий огонек осветил темное пространство, она отыскала свою сережку возле самого плинтуса. Но не только ее. Там было еще кое-что, заставившее ее затаить дыхание. К дну шкафа – это можно было увидеть только при свете и только под определенным углом – широким скотчем был приклеен блокнот с обложкой, отделанной цветной фольгой. Пожалуй, если бы фольга не блеснула, словно кусочек зеркала, Сабина ничего бы и не заметила.

Интересно, что это такое? Импровизированный сейф Тверитинова? А в блокноте – список его врагов? Или должников? Или записи, содержащие сведения о финансовых махинациях? Вообще-то странное место для тайника. Человек такого уровня может позволить себе снять банковскую ячейку. Трудно представить довольно крупного и несколько неуклюжего Тверитинова, катающегося по полу возле шкафа всякий раз, когда ему хочется сделать новую запись. И как он вообще ухитряется просовываться в такую узкую щель?

Обливаясь потом от страха быть застигнутой на месте преступления, Сабина притащила из кухни длинный нож, которым экономка, вероятно, разделявала цыплят, и принялась хаотично тыкать им в свою находку. Прошло немало времени, прежде чем ей удалось зацепить скотч и оторвать первую полоску. Потом дело пошло быстрее, и в конце концов блокнот шлеп-

нулся на пол. Сабина схватила его, вытянула наружу, прижала к себе и ретировалась со всей возможной скоростью, ругая себя на чем свет стоит.

Вот зачем ей понадобилось совать нос в чужие тайны? Это Буриманов во всем виноват. Раньше она никогда бы себе такого не позволила. Обычно она действовала очень осмысленно и просчитывала последствия своих поступков. Впрочем, теперь она совсем другая, новая женщина! Которая получает удовольствие от безрассудных поступков. Сказать по правде, пока что она не получала никакого удовольствия.

Сабина притащила добычу в кабинет и, яростно потев, села с ней на диван. Потела она от умственного напряжения, потому что не представляла себе, как ей удастся вернуть блокнот на место. Дрожащей рукой она открыла первую страницу. И сразу поняла, что держит в руках дневник. Причем вряд ли он принадлежит Тверитинову – почерк ровный и округлый, явно женский.

«С. Ф. – абсолютная прелесть! Давно не встречалась с такими вежливыми мужиками. Чувствуешь себя какой-то очень значительной. Сегодня, правда, он надавал кучу заданий, но я уже поняла, что тут скучать не придется. К вечеру устала, как Сивка-Бурка, но С.Ф. меня искренне поблагодарил. Он такой старомодный! Если бы не Патрик, я точно положила бы на него глаз».

С. Ф.? Вероятно, имеется в виду Сергей Филиппович. Надавал поручений... Господи, да это же дневник ее предшественницы! Как ее там? Ани Варламовой, которая вышла замуж за иностранца. Та самая девочка сорок четвертого размера, чье бегство заставило Эмму подыскивать для Тверитинова субтильную помощницу. А Патрик, разумеется, ее жених, за которого Аня вышла замуж. Интересно, сколько эта Аня тут проработала? Месяц? Год?

Сабина пролистала страницы. Никаких дат в дневнике не было, а записи обрывались где-то в середине блокнота. Она вдруг отчетливо поняла, что хочет прочесть их немедленно. От начала и до конца. Это было такое сильное и стыдное чувство, что Сабина покраснела. Вот, значит, что испытываешь, когда влезаешь в чужие тайны!

Тем временем в голове у нее роились вопросы. Почему дневник уволившейся помощницы спрятан в спальне Тверитинова? Почему, уезжая за границу, она не взяла его с собой? Или не избавилась от него. Неужели не предполагала, что рано или поздно хозяин дома найдет дневник и прочтает его?

«Но, возможно, Аня *хотела*, чтобы Тверитинов прочитал ее откровения? – рассуждала Сабина. – Тогда логичнее было бы «забыть» свое сокровище в более доступном месте. Шкаф в спальне, возможно, не сдвинут с места еще лет сто. Ерунда какая-то получается».

Конечно, был соблазн немедленно приступить к чтению, но здравый смысл заставил Сабину посмотреть на часы.

– Нужно лететь в типографию, – вслух сказала она.

Подняла голову и увидела Тверитинова, который молча стоял в дверях. Сабина так испугалась, что подпрыгнула на диване чуть ли не до потолка.

– Вы еще не ездили в типографию? – Лицо у него было непроницаемым. И он не отрываясь смотрел на дневник у нее в руках. Блокнот был закрыт и лежал обложкой вниз у Сабины на коленях. Вряд ли его можно было опознать с лету. По крайней мере, преступница на это страстно надеялась.

– Вы же сказали, что уехали на два часа! – обвиняющим тоном заявила она. И, воспользовавшись тем, что Тверитинов прошел к столу и на секунду отвернулся, молниеносно засунула блокнот под себя. Теперь нужно сделать так, чтобы ее босс первым вышел из кабинета.

Однако тот и не собирался уходить. Напротив, он ждал, что Сабина немедленно встанет и отправится за образцами бумаги. Она не двинулась с места.

– Вы хоть что-нибудь сделали? – спросил он, копаясь в документах на столе.

– Да, – важно ответила она. – Я полила герань.

– Что ж, неплохое начало дня. – Он прошел к стеллажу с книгами, сшиб по дороге стул и поймал его у самого пола. Чертыхнулся и резко повернул голову. – Почему вы сидите? Я дал вам кучу заданий.

– Потому что, потому что... У меня кружится голова. Не могли бы вы принести мне стакан воды? – спросила Сабина, глядя на него глазами своего брата Пети – голубыми и наглыми.

Не сказав ни слова, Тверитинов вышел из кабинета и отправился на кухню. По дороге он ухмыльнулся. Он видел список на столе и отмеченные «галочками» дела, с которыми она уже справилась. И все же вид у нее был странный. Вспокоенный. Как у наседки, которая только что снесла яйцо и вдруг увидела, что в курятник входит человек с корзинкой.

Он налил из чайника воды в стакан и пружинистым шагом возвратился обратно. Его новая помощница сидела чинно, сложив ручки на коленях, но все еще была взволнованна.

– Ой, вода! – радостно сказала она, полыхая красными пятнами на щеках. – Огромное спасибо. А вы сейчас еще куда-то поедете?

Он подал ей стакан, не удержался и заметил:

– Я должен вас не только поить, но еще и отчитываться перед вами?

Она издала непонятное восклицание, немедленно сорвалась с места, стала собирать свои пожитки: сумочку, мобильный телефон, газету, в которую было что-то завернуто...

– А ну-ка постойте, – нахмурился Тверитинов. – Что это у вас там?

Преступница похолодела.

– Вы что, схватили мои «Экономические вести»? Я же их еще не просматривал! Это сегодняшняя газета, верните ее на место.

Сабина некоторое время бурно дышала, после чего заявила:

– Я случайно испортила всю первую полосу. Сейчас поеду в типографию и по дороге куплю вам другие «Экономические вести». Точно такие же, только целые.

Тверитинов некоторое время смотрел, как вздымается ее мятежная грудь, потом вернулся к столу и заглянул в нижний ящик, в самую глубину. Книжка «Сексуальные фантазии» с глянцевыми фотографиями, о которой он на самом деле только что вспомнил, лежала на месте. Хотя секунду назад он мог бы поклясться, что девица именно ее завернула в газетку и взяла полистать на досуге. Что еще в таком случае ей понадобилось от него прятать?

– Ладно, – наконец, сдался он. – Только не забудьте купить газету. – Сабина облегченно вздохнула. – Когда закажете книги, уже после типографии, подъезжайте в «Бумажную птицу», я буду ждать вас там, договорились?

Он развернулся и вышел из кабинета. Сабина услышала быстрые шаги, и новая мысль озарила ее. Сердце при этом ухнуло вниз. Вдруг не Аня Варламова спрятала свой дневник? А сам Тверитинов по какой-то неведомой причине завладел им и прилепил к дну шкафа? Он узнал его, как только вошел в кабинет. И сейчас поспешил к себе, чтобы проверить мелькнувшую догадку!

Сабина на цыпочках отправилась за ним. Он и в самом деле скрылся в собственной спальне. Она не раздумывая бросилась на пол, потому что внизу между дверью и полом оставался небольшой зазор, через который можно было увидеть, куда направятся его ботинки. Но не успела даже как следует уместиться на ковре, когда проклятая дверь распахнулась, и эти самые ботинки оказались прямо перед ее носом.

– Господи, вы что?! – спросил Тверитинов с невероятным изумлением. Сабина чувствовала, как ворс ковра щекочет ее живот в том месте, где задралась кофта. – С вами все в порядке?

– Опять закружилась голова, – ответила она сдавленным голосом и принялась, кряхтя, подниматься.

Нет уж, если именно так живут авантюристы, то она выходит из игры. Тверитинов схватил ее поперек туловища и рывком поставил на ноги. Вид у него был до невозможности сердитый.

– Где ваша сумка?

– В кабинете. – Сабина смотрела ему в галстук.

– Почему вы ее там оставили? Куда вы сейчас шли? Разве не в типографию?

– В туалет.

– Знаете, мне представили вас как блестящего работника. И что же я вижу? Вы с утра поели пирогов, полили герань и испортили свежую газету. К тому же у вас кружится голова. Не думаю, что мы сработаемся.

Сабина тотчас заняла круговую оборону:

– Я ведь должна адаптироваться на новом месте! А мои походы в туалет не регламентируются трудовым законодательством. И вообще. Думаю, к концу недели вы будете самого высокого мнения о моих профессиональных навыках.

– Ну-ну, – пробормотал он и сложил руки на груди.

Сабина развернулась и с гордо поднятой головой отправилась за своими вещичками. На самом деле ей хотелось бежать, как зайцу – петляя от стены к стене, чтобы скрыться от пристального взгляда, буравящего ее спину.

Чертова сумка! Она оказалась слишком маленькой для того, чтобы в ней поместился большой блокнот. Может, в записях вообще нет ничего особенного. Или там есть нечто такое, что только смутит ее. Вдруг Аня с Тверитиновым были любовниками? И он оставил ее дневник с описанием интимных свиданий себе на память? Но тогда зачем прилепил его к дну шкафа?

Все то время, что Сабина ездила по городу, любопытство грызло ее изнутри, как прожорливый червяк, нарвавшийся на хрустящий капустный лист. Невероятно, что встреча с Буримановым так на нее подействовала. Оказывается, он много для нее значит! Возможно, она даже любила его все эти годы. И поэтому так до сих пор и не вышла замуж. Уже семь лет прошло с момента их ссоры! Но стоило Диме сказать, какая женщина ему нужна, и Сабина тотчас же захотела стать ею. Наверное, чтобы следующий Буриманов, который встретится в ее жизни, не бросил ее в очередной раз.

Сабина довольно быстро отыскала офис «Бумажной птицы» и порадовалась, что рядом есть большая стоянка, куда можно воткнуть машину. Она сделала ловкий поворот и уже начала заруливать на свободное место, как вдруг ехавший позади нее грязный «Опель» совершил странный маневр, вильнул и едва не врезался ей в задний бампер. Из «Опеля» выскочил здоровый мужик в спортивной куртке и выпятил грудь.

– Эй, ты чего, ослепла? – заорал он, наскакивая на выбравшуюся из-за руля Сабину. – Очки надень, гусеница безмозглая! Тварь!

– Почему вы обзываетесь? – возмутилась та, отступая. – Это вы сами виноваты!

У мужика были совершенно бешеные глаза навывкате, а челка стояла дыбом.

– Угрожать мне будешь?! – еще громче закричал он, выхватил из салона машины кусок металлической трубы, подскочил, крякнул и, не раздумывая, шарахнул Сабину по ноге. Та подпрыгнула, и удар пришелся по лодыжке. Сабина ахнула от боли и уже собралась было звать на помощь, когда рядом с ней возник молодой мужчина с портфелем в руке.

– Эй ты, спортсмен! – крикнул он, заслоня Сабину своим телом. – Совсем сдурел?

Он был высоким и широкоплечим, короткий плащ блестел на солнце, словно рыцарские доспехи. Оказавшись за его спиной, жертва даже испытала желание прильнуть к ней в порыве благодарности.

– А тебе чего надо? – Тип из «Опеля» шагнул вперед и раздул ноздри, как разъяренная обезьяна.

Тогда мужчина переложил портфель из правой руки в левую, коротко размахнулся и очень технично врезал ему по морде. Тот отлетел к своему «Опелю» вместе с куском трубы.

Сабина решила, что сейчас начнется большая драка, но псих, встретив отпор, мгновенно пошел на попятный, прыгнул в свою таратайку и, ругаясь на чем свет стоит, с ревом отъехал.

Как только опасность миновала, Сабина со слезами на глазах принялась ощупывать пострадавшую ногу.

– Больно? – сочувственно спросил ее спаситель и присел на корточки, чтобы своими глазами посмотреть на причиненные повреждения.

Перед ней возникла светлая макушка – волосы были мягкими и легкими, как у ребенка, которому моют голову ромашковым шампунем.

– Ужасно больно, – призналась она. – Но наступать можно.

– Хорошо, что он не вмазал изо всех сил. – Мужчина поднялся на ноги и очутился с ней лицом к лицу. – Бывают же такие идиоты... Надо бы его в ментовку сдать, да времени нет. Кстати, меня зовут Максим.

Он оказался не только сильным, но и симпатичным. Порядочность въелась в его скуластое лицо, на котором главенствовали широко расставленные глаза – светло-зеленые, как бутылочное стекло, когда через него смотришь на солнце.

– А меня Сабина. – Она снова согнулась пополам, трогая ушиб.

Невероятно, какие психи катаются по городу в автомобилях. Бить женщину железякой по ногам!

– Вы приехали или уезжаете? – спросил Максим. У него была тонкая кожа, налитая сочным румянцем. Румянец захватывал не только лицо, но шею и даже уши. Возможно, они горели от ветра. Или же на него произвела сильное впечатление собственная храбрость.

– Приехала. Вообще-то я на службе. Дохромать бы до нее.

– Давайте я провожу вас до офиса, – предложил он и без раздумий подставил локоть. – Куда вести?

Сабина приняла помощь, и теперь, сцепив руки кренделем, они стали похожи на парочку, которая собралась выйти на середину круга и исполнить кадрили. Ее новый знакомый излучал энергию, и даже через плащ ощущалось исходившее от него тепло.

– Вон туда, видите? «Бумажная птица».

Вывеску было трудно не заметить – массивные буквы громоздились на фасаде ближайшего здания, подмяв под себя названия более мелких контор.

– Здорово! – по-мальчишески обрадовался Максим, тряхнув портфелем. – Я же там работаю!

– И я тоже! – воскликнула Сабина. Она посмотрела на него снизу вверх и поторопилась объяснить: – Я новая помощница Сергея Филипповича.

– С ума сойти. А я – директор фирмы, Максим Колодник. Сергей – мой двоюродный брат. Вернее, это я – его двоюродный брат, – усмехнулся он. – Кузен принял меня на работу. Фирма принадлежит ему, а я всего лишь наемный служащий.

Возможно, его угнетало положение бедного родственника или он просто торопился прояснить свой статус, потому что Сабина ему понравилась. По крайней мере, ей казалось, что она ему понравилась. И он немного тревожился. Как будто они познакомились на автобусной остановке и девушка в любой момент может сказать ему: «Пока, приятель!»

– Вы таким необычным делом занимаетесь, – абсолютно искренне заметила Сабина. – Никогда не видела, как делают бумагу. Да еще вручную, как во времена Средневековья. Даже не представляю, как выглядит этот процесс.

– Еще сто раз увидите. К нам иногда записываются целые экскурсии. Мы изготавливаем бумагу из всего, что можно пустить в дело. Вплоть до крапивы и конопли, – засмеялся Максим. – Сырье перемалывается, отливается в специальные формы и прессуется. Работа жутко кропотливая. Зато получается эксклюзивный продукт.

Сабина никогда не догадалась бы, что Максим Колодник занимает руководящую должность. На своем веку она перевидала массу управленцев с целеустремленными лицами и жестяными глазами. Он не был похож ни на одного из них и казался чертовски милым. Мальчишеская улыбка довершала облик человека с легким характером.

– А на вашей бумаге принтер печатает?

– Еще как печатает. Перьевой и капиллярной ручкой на ней тоже можно писать. Вообще у нас товар – пальчики оближешь. Я вам все покажу, договорились? Только не прямо сейчас, а то у меня скоро совещание.

Он мельком посмотрел на часы и тихонько фыркнул.

– Я уже могу идти сама, – мгновенно всполошилась Сабина. – Бегите на совещание. Босс меня не похвалит за то, что я в первый рабочий день вмешалась в работу фирмы и что-то там сорвала.

– Да что вы! Вашего босса текучка не интересует, он стратег. Вообще-то я вам не завижусь. Предыдущая его помощница буквально выбивалась из сил. Мне кажется, она и замуж вышла только для того, чтобы сбежать от моего кузена. Он сам трудоголик и хочет превратить в трудоголиков всех остальных.

Сказать по правде, Сергей – чертовски талантливый ученый. Иностранные компании пытаются его из России с мясом вырвать. Но он – ни в какую. Работает лишь по разовым контрактам. А «Бумажная птица» – это его якорь у родных, так сказать, берегов. Хотя производством он практически не занимается. Но офис у него здесь, на втором этаже. Вы, судя по всему, будете сидеть в приемной. Личного секретаря у Сергея нет, он в случае надобности пользуется услугами нашей Иры. Сейчас я вас с ней познакомлю.

Они уже подошли к «Бумажной птице», и Максим придержал дверь, давая Сабине возможность первой переступить порог. Холл оказался небольшим. Справа, за конторкой, сидела невыразительная девушка с расчесанными на пробор волосами, скрученными в пучок. Скупое подкрашенные губы поджаты, короткие брови нахмурены. Впрочем, увидев директора, она тотчас расцвела.

– Добрый день, Максим Петрович.

– Мы уже виделись, Ирочка, – ответил тот и обнял Сабину за плечи. – Познакомься, это помощница Сергея Филипповича.

– Сабина Брусницына, – представилась та. – Скажите, а заказанные книги привезли?

Новая фирма, незнакомые люди, со всеми придется налаживать отношения... А с секретаршей в первую очередь.

– Да, привезли. Сгрузили в приемной, не беспокойтесь. – Ира мельком взглянула на новую сотрудницу и снова сосредоточилась на начальнике, ожидая приказаний.

– Тверитинов здесь? – спросил тот.

– Еще не приехал. Хотя его ждут. – Она понизила голос. – Очень нервный товарищ. Утверждает, что он канадский представитель. Его привез партнер Сергея Филипповича и оставил на мое попечение. Этот тип искурил целую пачку сигарет и почти разломал стул – сидит и раскачивается. И иногда стонет, как будто у него зуб болит. Я ему три раза приносила кофе и два раза минералку. Он говорит, что, если Сергей Филиппович не появится в течение полчаса, все пропало.

В Сабине мгновенно проснулся менеджер, съевший собаку на работе с клиентами. Да и те качества ее натуры, которые так не нравились Буриманову, разумеется, никуда не делись.

– Отведите меня к нему, – сразу же попросила она Иру. – Или покажите, куда идти.

– Я вас сам отведу, – мягко предложил Максим. – Здесь, в общем-то, легко освоиться. Внизу, в подвале, у нас производство. На первом этаже – технические службы, а на втором – руководство и менеджмент. Так что нам с вами на второй. – Он повел ее к лестнице, по-

прежнему придерживая за локоть, хотя она почти не хромала. – Вы кого-нибудь из моих коллег уже встречали?

– Эмму Грушину, – ответила Сабина.

– А!

Это «А!» он произнес со странной интонацией, так что было трудно понять, как он относится к администратору. Впрочем, все выяснилось гораздо позже, когда у Сабины появилась возможность посплетничать с секретаршей.

– Эмма без памяти влюблена в Колодника, – доверительно сообщила Ира. Ей понравилась новая помощница босса, и она с удовольствием делилась с ней информацией. – Сумасшедшая тетка: ей сорок восемь, а ему тридцать пять! Да и вообще. Не с ее сержантскими замашками заводить амур. – Сабина была с ней абсолютно согласна.

* * *

В небольшой приемной стоял стол с компьютером, а также кожаный диван для посетителей – холодный и скользкий. У него был вид сноба, с которым не хочется иметь дела. Вероятно, по этой самой причине канадский представитель уселся на единственный стул, который выдвинул в центр комнаты. И опасно раскачивался на нем, словно пытался сам себя убаюкать. На его лице читались страдания человека, бессильного изменить обстоятельства.

– Здравствуйте! – поздоровалась Сабина, с деловым видом входя в приемную.

Посетитель, отупевший от ожидания, качнулся еще раз и едва не грохнулся на пол – ножки стула громко стукнули. Клиент вскочил с места и вытаращил глаза:

– А Сергей Филиппович?!

– Еще не приехал. Но я – его личная помощница, Сабина Брусницына. Возможно, я смогу вам чем-то помочь?

– Девушка! – завопил он и простер руки в ее сторону. – Моя фамилия Саблуков. Степан Евгеньевич Саблуков. Я канадский представитель.

Сабина хотела сказать, что это еще ни о чем не говорит. Что значит – канадский представитель? Представитель чего? Однако она не успела озвучить свое недоумение, когда Саблуков снова подал голос.

– Надвигается катастрофа. Если Горьков сейчас же не перешлет текст, книга выйдет с двумя пустыми страницами, потому что типография не может ждать! И мы навсегда поссоримся с Сергеем Филипповичем. Навсегда.

– Так, давайте по порядку, – остановила его Сабина. Садиться она не стала, потому что с таким нервным посетителем вряд ли удастся поговорить спокойно. – Во-первых, кто такой Горьков и о какой типографии речь?

– Вы же уверяете, что помощница! – возмущенно завопил Саблуков. – А сами ничего не знаете!

– Я *новая* помощница, – ответила Сабина. – Может быть, я чего-то и не знаю, но многое могу.

Из его сбивчивых объяснений выяснилось следующее. Референт Тверитинова по фамилии Горьков должен был не позднее сегодняшнего утра позвонить Саблукову и переслать ему по электронной почте статью, которую босс подготовил для какого-то пафосного международного сборника.

Сабина попыталась вспомнить, не видела ли она утром на столе нового шефа что-нибудь похожее на статью. Вроде лежал там какой-то текст в пластиковой папке...

– Объясните поподробнее, о чем статья? – попросила она.

– О новых приборах, в разработке которых участвовал Сергей Филиппович. Для контроля качества бумаги. С их помощью можно определять уровень красковосприимчивости и

пылимости. Приборы превосходят оборудование лучших зарубежных фирм! Если статья не выйдет, все мы будем в... В общем, всем нам придется несладко.

– Значит, Горькова вы найти не можете, – констатировала Сабина. – А Тверитинова?

– Он не отвечает на телефонные звонки!

Для верности она сама позвонила на тот номер, который ей оставил босс, и тоже не дождалась. Про референта Горькова она слышала впервые в жизни. Когда она попросила Саблукова подождать, тот закатил глаза и взвыл:

– Я больше не могу ждать!

Сабина спустилась к секретарше в холл, птицей слетев по лестнице.

– Зря вы так бегаете, – заметила Ира. – Ступеньки скользкие. Потом костей не соберете.

Где Горьков, Ира не знала, а к телефону тот, понятное дело, не подходил. Куда мог деться референт, у секретарши догадок не было.

– Это вы должны знать, – укоризненно сказала она напоследок.

Ничего не оставалось, как отправиться за помощью к Эмме Грушиной. Хотя после вчерашней встречи Сабине страсть как не хотелось иметь с ней дела. Согласившись худеть под чужой «чемодан», она чувствовала себя так, будто ее прилюдно унизили.

Сабина очень торопилась, поэтому постучала в дверь и сразу вошла. Не дождавшись разрешения. В сущности, в офисах никто никогда не дожидается разрешения. По крайней мере, в «Альфе и омеге» так и было. В любой кабинет, кроме хозяйского, мог войти кто угодно и когда угодно.

Эмма Бениаминовна сидела во вращающемся кресле, томно откинувшись на высокую спинку. Над ней, словно голодный коршун над кроликом, нависал мужчина с прилизанной рыжей челкой. Его щеки были усыпаны темными веснушками, похожими на россыпь дробленой гречки. Парочка или только что целовалась, или собиралась проделать этот нехитрый фокус прямо сейчас.

– Прошу прощения, – бухнула Сабина, не опуская глаз. Профессиональный долг заставил ее наплевать на условности. – Сложилась форсмажорные обстоятельства. Необходимо найти референта Горькова. Мне нужна ваша помощь.

Рыжий мужчина выпрямился и повернулся к ней. В его маленьких холодных глазах, похожих на зеленые камушки, вспыхнул чисто мужской интерес. Наглый интерес. Не иначе, это петух в местном курятнике.

– А вы кто такая? – нараспев спросил он.

– А вы? – спросила Сабина, глядя мимо него. Она наблюдала за манипуляциями Эммы, которая, ни слова не говоря, достала густо исписанную тетрадь и уже водила пальцем по строчкам.

– Я – Чагин, бригадир. Зовут меня Борей. – И для верности повторил: – Боря Чагин.

Сложив мокрые губы бантиком, он послал Сабине воображаемый поцелуй и подмигнул. Он был омерзителен. Под его взглядом она почувствовала себя так, словно по ее телу полз червяк.

– У меня есть телефон и адрес матери Горькова, – сообщила Эмма, подняв голову. – Записывайте. Это все, чем я могу помочь.

Сабина записала, пулей вылетела из кабинета, промчалась по коридору и поскакала вверх по лестнице.

– Осторожнее на ступеньках! – снова крикнула ей вслед секретарша. – Костей не соберете.

В присутствии Саблукова Сабина позвонила матери референта, и после долгих расспросов та сообщила ей, что сын вроде бы отправился на квартиру босса.

– Едем туда! – решила Сабина. – Есть шанс или поймать Горькова, или найти статью. Вдруг она сохранена в компьютере Тверитинова? Правда, отыскать ее будет непросто. У него там столько документов...

Пока они спускались по лестнице, навстречу им попало несколько мужчин, и Саблуков постоянно приставал:

– А это не Тверитинов? А вот это?

Оказывается, они никогда не встречались. Саблуков был лично знаком лишь с партнером Сергея Филипповича, который и привез его в «Бумажную птицу», когда исчерпал все другие возможности решить возникшую проблему.

Сабина посадила канадского представителя в свою машину и нажала на газ. Саблуков всю дорогу просидел молча и только в конце начал прикладывать ладони ко лбу – то левую, то правую.

– Наверное, у меня сосудистый криз, – сообщил он мрачным тоном. – Внутри черепной коробки все сжалось, словно кто-то плющит мои мозги.

– Сейчас приедем, и я вас чаем напою.

– Лучше коньяком, – немедленно откликнулся тот. – Коньяк действует быстрее.

Охранник продемонстрировал хорошую память и, завидев знакомый автомобиль, поднял шлагбаум. Сабина почти волоком тащила Саблукова за собой, поэтому в подъезд они вошли, по-детски держась за руки. Консьерж предупредительно улыбнулся. Он был молодым, упитанным и добродушным. Возле него на конторке лежала салфетка, а на ней – бутерброд с прозрачными ломтиками бекона и крупно наструганным огурцом.

– А Сергей Филиппович вернулся? – спросила Сабина, ощутив внезапный приступ голода. На секунду у нее даже в глазах потемнело.

– Да нет еще, – покачал головой тот. – Но там, наверху, этот... Референт.

– Горьков?! – радостно переспросила она, сглотнув. Слюны набрался полный рот, потому что проклятый бекон пах на весь подъезд.

– Да, Вадик. Давно уже приехал.

Консьерж привстал, с любопытством проводив глазами странную парочку, которая галопом промчалась к лифту – оба часто дышали и громко топали.

«Интересно, почему Горьков не отвечает на телефонные звонки?» – размышляла Сабина. На подходе к двери она достала выданную ей связку ключей, но сначала все-таки нажала на кнопку звонка. Никто не отозвался. Переглянувшись с Саблуковым, она вставила ключ в замочную скважину.

В квартире было тихо, и на их окрики никто не отзывался.

– Может, он умер? – вслух спросил канадский представитель, не решаясь первым ступить в коридор. Абсолютно пустой желудок подсказал Сабине, что это предположение не лишено оснований. Что, если Горьков страдает эпилепсией? Его хватил удар, и он лежит посреди комнаты, бледный и бездыханный?

Через минуту выяснилось, что Горьков не лежит, а сидит посреди гостиной, прямо на ковре, и глаза у него осоловевшие. Группа поиска поначалу единогласно решила, что референт пьян. И лишь спустя несколько минут им открылась правда.

– Здесь порожек отходит, – слабым голосом объяснил референт. – Я торопился отправить статью, зацепился носком ботинка, упал и стукнулся головой. Кажется, потерял сознание.

– Не кажется, а потерял, – прокричал Саблуков, пытаясь поднять бедолагу с пола. Сил у него явно не хватало.

Референт оказался длинным, как жердь, и каким-то вертким – так и норовил выскользнуть из рук. Его сильно тошнило, и Сабина решила, что парню необходим покой. Она велела Саблукову положить пострадавшего на диван. Однако диван оказался Горькову короток. При-

шлось разложить его и уместить больного наискосок. Предварительно Сабина достала из ящика подушку и одеяло и накрыла референта до самого горла.

К счастью, Вадим был в состоянии разговаривать и объяснил, где находится злосчастная статья. Канадский представитель бросился к компьютеру и, отослав текст по электронной почте своему помощнику, без сил повалился в кресло.

– Спазмы так и не проходят, – несколько обиженным тоном сообщил он Сабине, в голове которой проносились видения тарелок, полных мясных рулетов, куриных потрошков и рыбных тефтелей.

Она полезла в сумочку, достала оттуда распечатку своей диеты и еще раз уточнила, что ей можно съесть на обед. Хотя и так все отлично помнила: два яйца, листовой салат, помидор. А поскольку время обеда давно прошло, был соблазн сразу и поужинать.

Сабина отправилась на кухню и наткнулась на утреннее блюдо с пирогами. Преодолев порыв проглотить хотя бы один, она решительно открыла холодильник. Там в специальных ячейках лежали крупные белые яйца в матовой скорлупе. Она вытащила две штуки, положила их в кастрюльку с водой и поставила на плиту. Тотчас явился Саблуков и уже внаглую потребовал коньяка. Сабина ему напомнила, что она тут вовсе не хозяйка, а Саблуков заявил, что раз она варит для себя яйца, то вполне может поискать для него коньяк. Она пошла искать и нашла целый бар, где имелись в наличии все мыслимые и немыслимые алкогольные напитки. Налив на два пальца темно-янтарной жидкости в пузатую рюмку на короткой ножке, она отнесла ее Саблукову на кухню, велев ему следить за яйцами.

– Слышите, телефон звонит? Я буду разговаривать и могу забыть про кастрюльку.

Саблуков пообещал все сделать, но за это потребовал всю бутылку коньяка целиком. Сабине было не до споров. Пройдя мимо постанывающего Горькова в гостиную, она сняла телефонную трубку, истово надеясь, что звонит хозяин квартиры. Надеялась она напрасно.

– Сабина? Это консьерж. – Голос был приглушенным, словно парень боялся, что его подслушают. – Тут такое дело... В общем, к вам поднимается Жужи.

– Какая Жужи? – опешила Сабина. – Собака, что ли?

Консьерж булькнул и ответил:

– Это не собака, а женщина. Она... В общем, у Сергея Филипповича некоторое время проживала...

– Вот черт, – пробормотала Сабина и напряженно спросила: – И что? Что я должна с ней делать?

– Я не знаю, – растерялся консьерж.

– Но ведь вы зачем-то мне позвонили! – укорила она его. – Эта Жужи хоть раз приходила после того, как босс с ней расстался?

– В том-то и дело! Она ходит и ходит... Постоянно вещи выносит. Говорит, что это – ее вещи. А экономка с ней не может справиться.

Вероятно, консьержу нравился Тверитинов и не нравилась Жужи. И он по-своему пытался оградить жильца, который давал ему щедрые чаевые, от неприятностей. Хотя бы и чужими руками. Новая помощница показалась ему женщиной с характером, и он решил на этом сыграть.

– А Сергей Филиппович что говорит, когда выносят его вещи?

– Тю-ю-ю! – протянул консьерж. – Он совершенно не умеет обращаться с дамами. Они делают что хотят.

«Они делают что хотят!» – возмущенно повторила про себя Сабина, швырнув трубку на место. В замке уже ворочался ключ, который Жужи, похоже, не желала возвращать хозяйину. И почему этот тюфяк до сих пор не поменял замки?!

Сабина отступила в глубину квартиры, поспешно отыскивая в своем мобильнике номер экономки, который еще утром занесла в электронную память.

Объясняться было некогда, и, как только абонент ответил, с места в карьер заявила:

– Людмила Степановна, к нам ломится Жужи. Что делать?

Экономка запричитала и заохала. С Жужи, оказывается, не было никакого сладу. Ни одной ее вещи, разумеется, в квартире не осталось, но она продолжала совершать набеги и разбойничать на территории, которую ее не так давно попросили освободить.

– Откуда такое странное имя? – не удержалась и спросила Сабина.

– У нее венгерские корни, – объяснила экономка. – И еще она необыкновенно красивая.

Сабине в голову неожиданно пришла блестящая мысль. Если эта необыкновенно красивая Жужи придет и увидит, что ее место заняла другая хищница, она отстанет. Нужно только как следует ее припугнуть. Жужи должна распахнуть дверь и сразу понять, что ей тут больше ничего не обломится. Роль хищницы Сабина, разумеется, доверила себе. Для наглядности она стащила с себя кофточку, оставшись в юбке, черных колготках и черном бюстгальтере. Встала сигарету в длинный мундштук, которой попался ей под руку, и уселась в кресло в кабинете, задрав подол повыше и закинув ноги на стол.

Тем временем внизу произошло вот что. Красавица Жужи задержалась возле лифта, чтобы подкрасить губки и поговорить по телефону с лучшей подругой, позвонившей ей на сотовый. Пока она болтала и чистила перышки, к дому подъехал злой и раздраженный Тверитинов, который только что неудачно провел переговоры. Войдя в подъезд, он двинулся к лифту и тут наткнулся на свою бывшую подружку. Страшно рассердился, повысил голос, отобрал у нее ключи и выставил ее на улицу.

Консьерж был на седьмом небе. Жужи относилась к нему снисходительно, а однажды, когда он выскочил из-за конторки и подбежал открыть ей дверь, окатила его презрением.

Уставший, голодный и злой, хозяин дома поднялся на свой этаж, немного погремел ключами и распахнул дверь. Возле коврика стояли короткие сапожки его новой помощницы – он отлично их запомнил – и две пары мужских ботинок. Щеголеватые остроносые и практичные тупорылые.

Он отшвырнул портфель с документами, скинул пальто прямо на тумбочку и, неслышно ступая, двинулся по коридору. За поворотом ему открылся вид на кухню, и тут Тверитинов увидел, что там на табуретке восседает незнакомый плешивый мужик и пьет его коньяк, наливая себе в пузатую рюмку. Рядом на столе стоит блюдо с двумя очищенными яйцами. Почему-то эти яйца его особенно завели.

– Что здесь происходит? – отрывисто бросил он, встав на пороге и сощулив глаза.

Плешивый повернул голову и заплетающимся языком сказал:

– Не. Ваше. Дело. – И налил себе еще.

Тверитинов хотел взять негодя за шиворот и выкинуть его вон, но тут услышал, что из комнаты доносится тихий храп.

Шагнул в гостиную и побледнел от гнева – на диване лицом к стене лежал еще один мужик – его ноги в полосатых носках торчали из-под одеяла. Его одеяла! В его собственном пододеяльнике с зелеными цветочками.

«Она уволена», – решил про себя Тверитинов и прислушался. За дверью кабинета его помощница напевала жиденьким голоском: «Любовь мне голову вскружила-а-а... И на лопатки уложила-а-а...» Он подошел и рванул дверь на себя.

Сабина сидела в кресле, задрав ноги на стол, и курила сигарету через его именной мундштук. Кроме юбки, чулок и черного кружевного лифчика на ней ничего не было.

– Вы уволены, – повторил Тверитинов вслух.

– Сергей Филиппович! – удивленно воскликнула помощница, скинув конечности на ковер и распахнув глаза. – Это вы?!

– А вы кого ждали? Брэда Питта?

– Я вам сейчас все объясню!

– Я и так все прекрасно понял, – отчеканил он. – Вы с самого начала показались мне ненадежной, легкомысленной авантюристкой!

– Ну да? – спросила она с удивлением. Тверитинов мог бы поклясться, что эти слова ей понравились. – Я в самом деле выгляжу легкомысленной?

– Сейчас особенно. А когда утром я давал вам задание, вы красили губы.

– Я не думала, что вы заметите.

– Я заметил. – Он старался не глазеть на нее, но из этого совсем ничего не получалось. Как можно устраивать выволочку и смотреть при этом в сторону? – Собирайте свои вещички. И не возражайте, – пресек он ее попытку объясниться.

– Очень глупо, – сердито сказала Сабина. – Потом, когда все выяснится, вы будете жалеть.

– Не буду.

– Еще попросите меня вернуться.

Она вытащила сигарету из мундштука и загасила ее в красивой морской раковине, которую Тверитинов привез из круиза и очень любил. Потом встала и, раздосадованная, покинула кабинет.

– Куда это вы идете? – спросил босс, следуя за Сабиной по пятам. Спина у нее была выпрямлена и дышала праведным гневом.

– На кухню, – ответила та, не оборачиваясь. – Я сегодня работала без обеда и заслужила кусок хлеба перед увольнением.

Возмущенный, он отправился за ней, не зная, как ее остановить. Вырвать кусок хлеба у нее изо рта? Она вошла в кухню и сразу же двинулась к столу, за которым сидел плешивый мужик.

– Безобразие! – воскликнул тот, повернув ко вновь прибывшим просветленную физиономию. – Видели, на какой дрянной бумаге печатают бутылочные этикетки? А от чего зависит качество бумаги? – назидательно спросил он и сам же себе с большим чувством ответил: – От гладкости и высокой степени непрозрачности.

– Кто это? – спросил озадаченный Тверитинов.

– Канадский представитель, – коротко ответила Сабина. Повернувшись к Тверитинову и обиженно добавила: – Я решила вам помочь, а вы... Даже не хотите разобраться! Какой же вы после этого руководитель?

Тверитинов молча смотрел на нее. Он мог бы поклясться здоровьем любимой бабушки, что только что на тарелке перед ней лежало два вареных яйца, очищенных от скорлупы. Сейчас их там не было. Невозможно было представить, чтобы человек так быстро проглотил яйца. Она же, в конце концов, не пеликан.

– Вы хотели поесть, – кинул он пробный камень.

– Я поела, – ответила Сабина. К ее нижней губе прилип кусочек желтка.

Тверитинов моргнул и сказал:

– Вижу, вы безумно проголодались. Может быть, хотите чего-нибудь... еще?

Сабина посмотрела на него с некоторой опаской:

– А у вас есть помидор?

– В холодильнике, внизу.

Не говоря ни слова, она с головой нырнула в холодильник, достала помидор, вымыла его под краном и съела буквально в три укуса, захлебываясь вытекающим соком. Вытерла рот рукой и только потом заметила, как он на нее смотрит.

– Все-таки не хотите узнать, что тут произошло?

– Я полюбил эту женщину! – воскликнул со своего места Саблуков. – Она подобрала меня, несчастного, и привезла сюда. Я так хотел коньяка... Она налила мне и приласкала... – Он влажными глазами посмотрел на Сабину. – Я люблю вас! И очень хочу в уборную.

Саблуков встал и покинул кухню, оттолкнув Тверитинова плечом. В этот момент позвонили в дверь, и тот размашистым шагом отправился открывать, бросив:

– Выметайтесь вдвоем. – Тотчас вспомнил про полосатые носки под его одеялом и через плечо крикнул: – Втроем.

– Вы не выпили витамины! – вслед ему сказала Сабина, отчаянно жалея, что в холодильнике нет зеленого салата. Салат входил в обеденное меню, а она готова была съесть сейчас даже клевер.

Звонок продолжал надрываться, и хозяин рывком распахнул дверь. На пороге стоял Николай Безъязыков, занимавший в «Бумажной птице» должность главного менеджера по работе с клиентами. Он был невысок, но строен и отличался вкрадчивыми манерами. Хитрые раскосые глаза и длинные волосы, собранные в «хвост», делали его похожим на женщину. В руках он держал пластиковую папку, из которой лезли договора, разбухшие от скрепок.

– Сергей Филиппович, – тоном обиженного ребенка протянул он. – Надо ведь подписать!

– Извини, Николай, я не успел сегодня заехать на фирму.

– А дозвониться вам было невозможно! – крикнула из кухни Сабина. Она не верила, что ее уволили всерьез, иначе уже наелась бы экономкиных пирогов, которые так и просились в рот.

– Мой телефон постоянно включен, – сердито ответил Тверитинов, быстро возвращаясь на кухню.

Безъязыков, кряхтя, стащил с себя ботинки и прямо в куртке двинулся вслед за ним. Увидев возле холодильника незнакомую женщину в лифчике, он оторопело застыл на пороге.

– Телефон не работал! – запальчиво сказала та, не замечая менеджера в упор. Она была упоена спором.

– У меня всегда все работает, потому что я люблю порядок.

– Ерунда! – возразила Сабина. – Вот порожек в комнате у вас плохо прибит. Люди падают и разбивают себе головы.

– Вы что, упали? – с опаской спросил Тверитинов.

Порожек в самом деле отходил, и он постоянно давал себе слово, что займется им, но каждый день уставал как собака и все откладывал и откладывал.

– Я не упала, а вот...

– И почему вы навели сюда столько народу? Какой-то тип из Канады? Почему из Канады, когда он отлично разговаривает по-русски... И кто это лежит на моем диване, хотелось бы мне знать?!

– Это ваш референт.

– Вы шутите?!

– Почему вы постоянно орете? – спросила Сабина, передернув плечами. – Горьков должен был отправить вашу статью господину Саблукову для международного сборника, который издают в Канаде. Об этом вы знаете?

– Об этом знаю, – уже спокойнее ответил Тверитинов. Он догадался, что все понял неправильно, и теперь на его щеках кирпичными пятнами проступило скупое раскаяние.

– Референт приехал к вам, споткнулся о порожек, упал и потерял сознание.

– Очнулся – гипс, – совершенно естественным образом закончил Безъязыков.

На него, впрочем, никто не обратил внимания.

– Саблуков, которому отчаянно нужна была эта статья, поднял на ноги всех, кого только мог. Как ваша помощница, я посчитала своим долгом взять на себя ответственность и привезла его сюда – искать статью.

– И где он сейчас? – спросил Тверитинов.

– Я здесь! – крикнули из уборной.

И канадский представитель вывалился в коридор, застегивая штаны.

– Это Саблуков?

– Сергей Филиппович, – снова жалобно заныл менеджер. – Договора бы подписать...

– Я должен их просмотреть, – резко ответил тот. – Оставляй, я через пару часов приеду на фирму и привезу. Кстати, познакомься, это моя личная помощница Сабина Брусницына. Мне ее рекомендовали как высокого профессионала, – добавил он.

– Здрась-сь-те, – пробормотал Безязыков, отводя хитрые глаза.

Поскольку помощница была полураздета, замечание Тверитинова о ее профессионализме прозвучало как-то двусмысленно. Менеджер пристроил папку на холодильник, попятился, кое-как надел ботинки и улизнул из квартиры. Никто с ним не попрощался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.